

В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

*Сборник статей по материалам
XLVI международной научно-практической конференции*

№ 3 (46)
Март 2015 г.

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

В 59

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Грудева Елена Валерьевна — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук рецензент НП "СибАК";

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Кривошей Ирина Михайловна — канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-концертмейстерского искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова.

Купцова Ирина Александровна — д-р культурологии, проф. кафедры отечественной истории и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Павловец Татьяна Владимировна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК».

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XLVI междунар. науч.-практ. конф. № 3 (46). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 108 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА	6
Гришин Сергей Николаевич	
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ИЗ ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЯКУТОВ)	16
Никифорова Саргылана Валентиновна	
Секция 2. Языкознание	24
2.1. Германские языки	24
ТЕМПЕРАТУРНАЯ МЕТАФОРА ХОЛОДА В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	24
Комаров Егор Валерьевич	
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОЙ НАСЫЩЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ	31
Косова Ирина Олеговна	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА “SCHÖNHAUSER ALLEE”	36
Русяева Мария Михайловна	
2.2. Теория языка	41
КРЕАТИВНОСТЬ РЕЧИ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	41
Вранчан Елена Витальевна	
РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ ПРЕСС-РЕЛИЗАХ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ	46
Косякова Яна Сергеевна	
К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА	52
Проскурина Анна Вячеславовна Нефедова Надежда Владиславовна	

2.3. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	58
ЛЕКСЕМА "OBLIVION": РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ В ПРАВОВЫХ ТЕКСТАХ КАНАДЫ Нудельман Мария Александровна	58
ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ Нургалина Халида Бариевна	64
2.4. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	67
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО КУРСА В СИСТЕМЕ MOODLE Горбачева Светлана Андреевна	67
ВАРВАРИЗМЫ, ПЕРЕШЕДШИЕ В НАХИЧЕВАНСКИЙ ДИАЛЕКТ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА Алиева Нурай Ядигаровна	73
Секция 3. Искусствоведение	77
3.1. Теория и история искусства	77
КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ ИЛИ СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ В ИСКУССТВЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЕТСКОЙ КНИГИ Баженова Анастасия Евгеньевна	77
Секция 4. Литературоведение	82
4.1. Русская литература	82
«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н.В. ГОГОЛЯ И «МАЛОРОССИЙСКИЕ ПОВЕСТИ» Г.Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО Бологова Ксения Олеговна	82
ВЗГЛЯДЫ В. КОЖИНОВА НА ПОЭЗИЮ Ф. ТЮТЧЕВА Сидоренко Тамара Михайловна	88

НЭП В РОМАНАХ А. МАРИЕНГОФА «ЦИНИКИ» И И. ЭРЕНБУРГА «РВАЧ» Юденкова Елена Владимировна	93
4.2. Теория литературы. Текстология	101
О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ СТИХОТВОРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ БАХЫТА КАИРБЕКОВА) Тенбаева Алтынай Мейрбаевна	101

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Гришин Сергей Николаевич
соискатель кафедры философии ЛГПУ,
РФ. г. Липецк
E-mail: isgr1974@mail.ru

HERMENEUTICAL METHODOLOGY AND CULTURE

Sergey Grishin
competitor of the Department of Philosophy LGPU,
Russia, Lipetsk

АННОТАЦИЯ

В статье вниманию читателя предлагается авторская идея о том, что применение герменевтической методологии как системы мировоззрения, как повседневно развивающейся практики адекватного проникновения человеком в смысл происходящих событий, к разнообразным культурным явлениям в мире общения людей способно направлять человека на путь самосовершенствования и культурного развития. Автор обращается к художественной литературе, и на примерах художественных текстов анализирует герменевтические практики литературных героев.

ABSTRACT

In this article, the reader is invited to author the idea that the use of hermeneutical methodology as a system of philosophy as a daily practice of developing adequate penetration man in the sense of the events, to a variety of cultural events in the world of communication between people

is capable of directing man on the path of self-improvement and cultural development. The author turns to fiction, and examples of literary texts analyzed hermeneutical practice of literary heroes.

Ключевые слова: Культура; герменевтика; герменевтическая методология; познание; понимание; общение; обучение; совершенствование; традиция.

Keywords: Culture; hermeneutics; hermeneutical methodology; knowledge; understanding; communication; training; improvement; tradition.

Культура и антикультура как противоположные направления духовного развития человека, культура и бескультурье, как различные уровни такого развития, стремление быть культурным или, наоборот не исполнение элементарных норм культуры — обычные явления в нашей повседневной жизни и профессиональной деятельности. Пересечения различных и даже противоположных интересов между людьми, столкновения интеллектов различного уровня развития есть те конкретные культурные процессы, которые всегда осуществляются в сфере межлического общения. При этом в сфере ежедневного общения людей мы легко можем выявить факторы, способствующие развитию и совершенствованию культуры: это и творческое отношение человека к жизни, и взаимное влияние многообразных локальных культур и т. д. Однако одним из малоизученных факторов совершенствования и развития культуры является герменевтическая методология, которая помогает человеку адекватно воспринимать окружающую действительность, способствует ему найти свое осмысленное место в жизни, приводит человеческую личность к такому результату, когда человек свободно и сознательно стремится совершенствоваться и развиваться для всеобщего блага.

Между тем, научно определить, в чем именно заключается культурность человека не так уж и просто.

В историческом развитии понятия «культура» была своя логика. Движение мысли шло от отождествления со всем, что сотворено человеком, к анализу человеческой активности (деятельности, поведения и общения), благодаря которой создается надприродная сфера человеческого бытия, искусственное в противовес естественному, природному. На каждом из этих этапов вводились новые определения культуры. Таких определений американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон насчитали около трехсот. Поэтому, при всем множестве таких отдельных характеристик и метафорических высказываний по проблеме определения понятия культуры, чрезвычайно актуальной

остается задача выявить наиболее общие существенные свойства исследуемого феномена, и не просто выявить, а ответить на вопрос, зачем нам необходимо это исследование и объяснить, почему в раскрытии заявленной темы мы обратились именно к герменевтической методологии.

Как известно, понятие культура периодически изменялось и уточнялось, приобретая новые значения. Если в начале, в эпоху Древнего Рима, этот термин обозначал возделывание человеком земли, то потом произошло расширение смысла термина «культура». Уже со времен древнеримского оратора Цицерона (45 г. д.н. э.) этот термин применялся для обозначения процессов воспитания и обучения человека.

Известный специалист в области теории познания, философии, методологии науки и философии культуры Вячеслав Семенович Степин, рассуждая о введении в науку новых определений культуры, говорит: «Начиная со второй половины XVIII века, культура начала рассматриваться как важнейший аспект жизни общества, связанный со способом осуществления человеческой деятельности, отличающим человеческое бытие от животного существования. При этом возникло несколько линий в разработке проблематики культуры.

В первой из них культура представляла как процесс развития человеческого разума и разумных форм жизни, противостоящих дикости и варварству первобытного бытия человечества (французские просветители); как историческое развитие человеческой духовности — эволюция морального, эстетического, религиозного, философского, научного, правового и политического сознания, обеспечивающих прогресс человечества (немецкий классический идеализм — И. Кант, Я.Г. Фихте, Ф.В.И. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, немецкий романтизм — Г. Лессинг, И.Г. Гердер). Вторая линия акцентировала внимание не на поступательном историческом развитии культуры, а на ее особенностях в различных типах общества, рассматривая различные культуры как автономные системы ценностей и идей, определяющих тип социальной организации (неокантианство — Г. Риккерт, Э. Кассирер, М. Вебер). В дальнейшем эту линию продолжили Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер. Вместе с тем было расширено понимание культуры путем включения в нее всего богатства материальной культуры, этнических обычаев, разнообразия языков и символических систем.

В конце 19 и первой половине XX века при изучении проблематики культуры стали активно использоваться достижения антропологии, этнологии, теории систем, семиотики и теории

информации (культурная антропология — Э.Б. Тайлор, Ф. Боас, А. Кребер, Р. Редфилд; социальная антропология и структурный функционализм — Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Р. Мертон, Т. Пирсон; структурная антропология и структурализм — К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт, неофрейдизм, и т. д.)» [7, с. 341—347].

Как бы то ни было, для того чтобы ответить на вопрос, на что именно и каким образом в явлениях культуры влияет фактор герменевтической методологии, в русле нашего рассуждения важно оттолкнуться не только от теоретических соображений, но и от конкретных практических примеров повседневной жизни и найти такое нечто общее в знаменателе суммируемых определений культур, которое приравнялось бы к совокупному духовному опыту человечества. Культура многолика, поэтому в данном случае мы можем говорить о различных примерах культурной жизни человечества. И древнегреческий миф об «Эвридике», и описание жизнедеятельности древнекитайского философа Конфуция, и виртуальные представления о городе будущего какого-нибудь писателя фантаста, — все это реальные события человеческой истории. По форме и содержанию, так или иначе, они являются элементами одной системы под названием «культура».

Вместе с тем ряд этих культурных примеров был бы бесконечным потому, что человеческая природа может раскрываться в разных культурах по-разному. Эту мысль ясно выражает известный российский философ, культуролог и социолог Павел Семенович Гуревич. В частности, он пишет: «Множество культур на Земле вовсе не повторяют друг друга. Это совершенно различные культурные космосы. В культурах — разные ценностные ориентации, разные способы постижения мира, разные картины сущего. Относительно целостный феномен — культура — на самом деле существует во множестве вариантов» [6, с. 4].

Однако пристальное исследование различных культурных феноменов сразу же наводит на некоторые размышления, заставляющие посмотреть на все эти многочисленные примеры сквозь призму герменевтической методологии. Почему? Ответим. Прежде всего потому, что когда мы изучаем того или иного человека, группу людей или даже целые сообщества, нас интересует мнение современников по поводу исследуемой проблемы, что они сами говорят по поводу развития культуры. И здесь мы имеем право обратить свое внимание на такие примеры, когда люди в процессе межличностного общения сами называют друг друга некультурными или культурными. С точки зрения адекватности и обоснованности такого именования, в случаях,

когда к человеку пытаются присоединить характеристику «культурный» или «некультурный», нас интересует конкретный вопрос, что именно имеют в виду люди под культурностью человека. Нахождение причины подобных высказываний с неизбежностью приведет нас к использованию герменевтического метода.

Перейдем к примерам. Для наглядности и узнаваемости используем несколько примеров хорошо известных художественных текстов. Вот некоторые из них.

Известный русский писатель Н.В. Гоголь в повести «Ночь перед Рождеством», изданной им в сборнике повестей под названием «Вечера на хуторе близ Диканьки» передает сюжет возникновения и трансляции сплетни о том, как кузнец Вакула повесился, а затем утопился [5, с. 1—50]. Очевидное несоответствие здравого смысла сообщению о том, что возможно одновременно и утопиться и повеситься, очевидно того, что сами персонажи художественного произведения не видели своими глазами того, о чем они говорят, однако не мешают им довольно эмоционально и энергично транслировать выдуманные сведения, которые дальше распространяются уже другими литературными героями по всему селу по принципу «а все говорят». Особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что эти же литературные герои, заранее зная о том, что верить таким сведениям нельзя, каждый по-своему воспринимает их содержание. Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб (недоверие — признак одного варианта культурного развития, — С.Г.); она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. А вот пан голова поверил, что кузнец утонул (доверие — признак другого уровня культурного развития, — С.Г.): «Так кузнец утонул! Боже ты мой, а какой важный живописец был! какие ножи крепкие, серпы, плуги умел выковывать! Что за сила была! Да, — продолжал он, задумавшись, — таких людей мало у нас на селе. То-то я, еще сидя в проклятом мешке, замечал, что бедняжка был крепко не в духе. Вот тебе и кузнец! был, а теперь и нет! А я собирался было подковать свою рябую кобылу» [5, с. 1—50]!

Приведем еще один пример того, как люди распространяют ложные сведения, заранее зная об этом. В стихотворной комедии «Горе от ума» известный драматург Александр Сергеевич Грибоедов представляет образ умного человека А. Чацкого. В произведении он описывает столкновение этого литературного героя с непониманием московского общества, в результате которого Чацкий получает поражение в любви и выдумку о его сумасшествии [3]. В широко

известном обстоятельном письме А. Грибоедова П. Катенину, в котором великий драматург подробно объясняет свой замысел написания комедии, в частности сказано: «Девушка Софья, сама не глупая, предпочитает дурака А.С. Молчалина умному человеку А.А. Чацкому, который находится в противоречии с притворным и обманчивым обществом г. Москвы, которого никто не понимает, никто не хочет простить потому, что он немного повыше прочих. Кто-то пустил о нем слух, что он сумасшедший. Никто не поверил, но все повторяют...» [4, с. 14—21].

А в повести под названием «Этюд в багровых тонах», входящей в широко известный сборник повестей о приключениях сыщика Шерлока Холмса и доктора Ватсона, английский писатель Конан Дойль рассказывает о том, как лондонские газеты описывают выдуманные события, не имеющие ничего общего с реальным положением вещей. В повести литературный герой Шерлок Холмс, «величайший мозг на планете» удивляется тому, как журналисты по привычке прославляют бездарного полицейского инспектора Лестрейда, а также тому, что люди повседневно верят всему этому и что ничего изменить нельзя. Вот несколько строк из этой повести:

«Мы прочли эти статьи за завтраком; Шерлок Холмс потешался над ними всюю.

— Я же говорил, — что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон всегда останутся в выигрыше!

— Это зависит от того, какой оборот примет дело.

— Ну что вы, это ровно ничего не значит. Если убийцу поймут, то исключительно благодаря их стараниям; если, он удерет — то несмотря на их старания. Одним словом, — «мне вершки, тебе корешки», и они всегда выигрывают. Что бы они ни натворили, у них всегда найдутся поклонники» [2, с. 1—35].

Приведенные классические примеры обращают наше внимание на тот факт, что люди в процессе общения очень часто не доверяют друг другу, не понимают друг друга, сознательно обманывают друг друга, и наивно обманываются, в конечном итоге, отказываясь от постижения реальной действительности. Такое состояние сознания человека можно назвать Вавилонским пленением, гипнотическим сном, массовым психозом. И это не преувеличение. Начиная от модных современных газет с многомиллионными тиражами и заканчивая доносами начальнику на работе или обманом близких родственников, мы верим тому, кто первый донес и красивее сказал. Почему? Потому, что проверить входную информацию человеку лень. Он занят собственными интересами, и готов на любую ложь, если это

потребуется для его благополучия. Потому что иметь собственное трезвое видение событий жизни не представляется возможным современному человеку в силу его низкого уровня образования и трудовой практики.

Здесь важно обратить внимание на то, что речь идет о существенных свойствах человеческой культуры, как социального явления, включающего в себя такие важные категории как познание, понимание и общение, которые в культурологи обозначают процессы обучения, совершенствования и традиции. Эти процессы лежат в основании взаимодействия огромного количества временных культурных явлений, связанных с ними через массу случайных свойств и связей.

1. Познание — как чувственное и рациональное отражение действительности.

2. Понимание — как постоянный творческий труд, в результате которого происходит совершенствование понятий, образов, семантических представлений, изменяется целенаправленная мотивированная деятельность человека.

3. Общение — как использование людьми общепринятых знаковых средств для выражения ясно осознаваемых ими смысловых картин в уважительном диалоге в процессе достижения совместных целей.

Подразумевается, однако, что в реальной жизни, мы часто имеем дело с неразвитыми способностями людей адекватно постигать реальность окружающего мира. Именно в этом — причина некультурного поведения людей. Их естественное состояние — низкий уровень культурного развития. К такому результату человек приходит тогда, когда не видит своего места в мире, не пытается осмыслить свою отведенную роль в проживаемой им жизни. В силу этой герменевтической причины человек не ставит конкретных целей, мало заинтересован совершенствовать себя в духовном и физическом развитии. Поэтому, отсутствие ясной смысловой картины и жизненной целеустремленности у человека, изучением чего, собственно, и занимается герменевтическая методология, приводит его к низкому уровню культурного развития.

Вполне справедливо описывая такой низкий уровень культурного развития людей в процессе их межличностного общения, литературный герой К. Дойля Шерлок Холмс говорит: «Видите ли, мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадет под руку, и полезные,

нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных» [1, с. 1—35].

«По одной капле воды, — писал Конан Дойль, — человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слышал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому, ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным сторонам дела, которые представляют собою наибольшие трудности, пусть исследователь начнет с решения более простых задач. Пусть он, взглянув на первого встречного, научится сразу определять его прошлое и его профессию. Поначалу это может показаться ребячеством, но такие упражнения обостряют наблюдательность и учат, как смотреть и на что смотреть. По ногтям человека, по его рукавам, обуви и сгибе брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательном пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки — по таким мелочам нетрудно угадать его профессию. И можно не сомневаться, что все это, вместе взятое, подскажет сведущему наблюдателю верные выводы» [1, с. 1—35].

Поэтому, вполне понятно, что именно герменевтическая методология, как механизм расчистки смыслового мусора в сознании человека, как особый тип мировоззрения, способствует и обучению, и совершенствованию и общению людей. А этот факт подсказывает нам, зачем мы исследуем роль герменевтической методологии в процессе совершенствования и развития культуры.

Применение методов герменевтического мировоззрения к культурной жизни человека развивает у него сознательное желание адекватно и осмысленно постигать собственный внутренний мир и окружающую действительность. Решение этой задачи позволяет

расшифровывать смысловой мир человеческого сознания. Но дело не только в этом. Разумеется, что герменевтическая методология способна адекватно оценивать и интерпретировать смысловой мир сознания человека, но она способна еще и изменять его в лучшую сторону.

Именно для этого и необходима герменевтическая методология. Дело в том, что цели, которым служат достижения людей, могут изменяться. То, что было задумано для разрешения конкретной задачи, может быть в дальнейшем сохранено как для эстетического удовольствия и обретения социальной гармонии, так и на разрушение памятников культуры и человеческой цивилизации. Например, научное открытие о получении энергии от расщепления атомного ядра может быть использовано и используется людьми, как на общее благо, так и на всеобщее разрушение.

В заключение, необходимо отметить, что культура сохраняется и развивается в постоянной социальной борьбе с революционными и критическими движениями в человеческой жизни и в человеческом мышлении. Все люди обладают собственными притязаниями и интересами, и эти интересы переплетаются. За этими интересами действуют потенциалы огромного множества целей, потому что в культуре много людей. «Культура озабочена тем, что является благом для мужчин и женщин, для детей и взрослых, для правителей и подданных. Ее волнует, что может оказаться значимым для разных профессий и групп. Интересы и ценности разных людей диктуют свои условия и отношения, в которых человек находится с окружающим миром и социальной действительностью. Задача культуры как науки находить разные ценности в обществах, поддерживать устремления разных людей, удалять их от конфликтов, связанных с предпочтениями и направлять их на единство мира, общего благосостояния, соединение духовных и технических навыков с житейской мудростью, святости с обыденной жизнью» [6, с. 23].

Следовательно, для всеобщего блага, для того, чтобы научить людей понимать и уважать друг друга в процессе общения и совместной деятельности, и необходима герменевтическая методология постижения действительности, как повседневно развивающаяся практика адекватного проникновения человеком в смысл происходящих событий.

Герменевтическая методология как фактор развития культуры имеет возможность и призвана менять в действительности настроение и самоопределение человека к его свободному и сознательному выбору самосовершенствования.

Одним из результатов применения герменевтической методологии как фактора совершенствования и развития культуры должно стать снятие противоположности и напряженности борьбы в обществе между людьми из различных социальных групп, неодинаковой культурной направленности, неравного уровня культурного развития.

Список литературы:

1. Артур Конан Дойль. Повести о Шерлоке Холмсе / Эюд в багровых тонах./ Искусство делать выводы. Издательство: Ward Lock & Co, 1887. // Перевод Тренева Наталья Константиновна. Эюд в багровых тонах./ Искусство делать выводы. М.: Правда. 1966. — 35 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.conan-doyle.narod.ru/1/study.ru.txt> (Дата обращения 12.03.2015).
2. Артур Конан Дойль. Повести о Шерлоке Холмсе / Эюд в багровых тонах. Издательство: Ward Lock & Co, 1887. // Перевод. Тренева Наталья Константиновна. Эюд в багровых тонах./ Тобиас Грегсон доказывает, на что он способен. М.: Правда. 1966. — 35 с. [Электронный ресурс] Режим доступа. — URL: <http://www.conan-doyle.narod.ru/1/study.ru.txt> (Дата обращения 12.03.2015).
3. Грибоедов А.С. Горе от ума. СПб.: Азбука-Классика. Школьная библиотека. 2014. — 256 с.
4. Грибоедов А.С. Горе от ума / Сочинение : тема: - Сплетня о сумасшествии Чацкого. (Анализ явлений 14—21 III действия комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума») // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://bobyach.ru/soch/griboedov/gore_ot_uma_196.html // <http://litem.ru/referati-sochineniya/spletnya-o-sumasshestvii-chatskogo> (Дата обращения 12.03.2015).
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах. Том 1./ Вечера на хуторе близ Диканьки /Ночь перед Рождеством. М.: Художественная литература. 1976. — 334 с. // [Электронный ресурс] Режим доступа. — URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0020.shtml (Дата обращения 12.03.2015).
6. Гуревич П.С. Культурология. / Учебное пособие. М.: Знание. 1999. — 288 с.
7. Степин В.С. Новая Философская Энциклопедия в четырех томах. Том 2./ Культура. М.: Мысль, 2010. — 736 с.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ИЗ ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЯКУТОВ)

Никифорова Саргылана Валентиновна

канд. культурологии, доцент

Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,

РФ, г. Якутск

E-mail: nsv2107@mail.ru

DESIGN IMAGES OF EVERYDAY (FROM THE EXPERIENCE OF THE RECONSTRUCTION TRADITIONAL EVERYDAY YAKUTS)

Nikiforova Sargylana

PhD Cultural Studies, Associate professor.

North- Eastern Federal University them. M.K. Ammosova,

Russia, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

Представлен опыт реконструкции архаических форм повседневности в культуре якутов. Автор, опираясь на анализ описания обрядов, стандартных музейных экспозиций, фольклорных текстов, — восполняет лакуны в представлениях повседневности о базовых координатах жизни человека: времени и пространстве традиционной культуры.

ABSTRACT

The experience of the framing of daily life archaic forms in the Yakut's culture. The author, based on the analysis of the description of the rites, standard of museum exhibitions, folklore texts, fills lexical gaps in views of everyday life about basic coordinates of human life: time and space of traditional culture.

Ключевые слова: идентичность; стереотип; символ; повседневность; время; пространство; традиционная культура; профанный; сакральный; этнос.

Keywords: identity; stereotype; symbol; everyday; time; space; traditional culture; profane; sacred; ethnicity.

Семантические поля, обозначаемые символами, формируются в процессе повседневной коммуникации. Внутри семантических полей объективируется, сохраняется и аккумулируется исторический опыт общества, как основные ценности жизни, признаваемые агентами данной культуры существенными. Аккумуляция является селективной, поскольку структура семантического поля повседневности, как фильтр, задает критерии того, что должно быть сохранено, а что может быть забыто. Механизмом отбора выступает традиция, пропущенное через нее и встроившееся в культурную систему, становится элементом традиционной культуры, здесь очевидно просматриваются автоматически предполагающие друг друга двунаправленные связи памяти и забвения.

Как и культура в целом, повседневность, являясь периферической по отношению к ценностному ядру частью традиционной культуры, представляет собой открытую саморегулирующуюся систему, размещаясь, в силу большей близости к нему (ценностному ядру) системные связи элементов данной формы культуры более ригидны, а, следовательно, менее заметны изменения, но не подлежат сомнению, что они происходят.

В этнопсихологии принято считать, что существует специальная группа этнических символов, связанная именно с национальной идентичностью и с «я-концепцией» этноса [7, с. 328], посредством символов (например, в том числе и костюм, украшение, обряды и проч.) самосознание каждого этноса получает возможность этноидентификации и этнодифференциации. К этноидентифицирующим символам, помимо названных выше, принято относить вмещающий ландшафт, язык и чувства, связанные с ними, кроме того, ими могут считаться музыка, танцы, национальные герои, язык жестов, поведенческие акты и психические реакции и так далее. Но если существуют характерные символы, способствующие идентификации этноса, следовательно, должен быть механизм поддержки и сохранения корпуса именно этих символов, маркирующих «я-концепцию» этноса.

Рассматривая механизм идентификации, Э. Спайсер на примере изменения идентичности американских индейцев высказывает мысль, что осмысленные символы возникают в тех сферах, на которые извне оказывается концентрированное воздействие, то есть выбор определяется историческими обстоятельствами, переживаемыми носителями данной культуры [10], думается, что в не меньшей мере важны и культурные предпочтения, во многом определяемые традицией.

«Культура представляет собой самый совершенный из созданных человечеством механизмов по превращению энтропии в информацию. Это механизм, который должен хранить и передавать информацию, но одновременно и постоянно увеличивать ее объем. Постоянное самоусложнение и саморазвитие являются его законом. Поэтому культура должна проявлять одновременно черты и стабильности и динамизма, быть структурой и не быть ею в одно и то же время. Только в этих условиях она может выполнять все предназначенные ей коллективом функции» [5, с. 458].

Поскольку повседневность принципиально нерелексийна и изначально представляется как рутинная, неопиываемая часть культуры, она никогда не фиксировалась и описание ее, анализ базовых структурных форм представляется чрезвычайно увлекательным и до сих пор недостаточно исследованным пластом истории культуры. Данный опыт, на наш взгляд, может представлять интерес и в качестве попытки определения одного из методов реконструкции базовой части культуры, каковой представляется повседневность. В данном случае, методом, называемым в точных дисциплинах «методом от противного», то есть, если в достаточно подробно зафиксированном ритуале на преодоление экстремальной ситуации предписывается поступать определенным образом, то в повседневности логично видеть прямо противоположное, или близкие к противоположным как поведенческие (акциональные), так и вербальные формулы.

Автор не настаивает на универсальности своих, на первый взгляд, достаточно банальных построений, но возможность аргументации и построения логически обоснованной реконструкции повседневности данный метод позволяет выстроить. Проблема реконструкции прошлого, редакции его имеет и этический аспект. Ломка стереотипов в восприятии истории (когда анализируются музейные экспозиции, формируемые по единому этнографическому трафарету на всем постсоветском пространстве, вне зависимости от ландшафта, этнической принадлежности, какой-либо ментальной специфики) меняет общее представление о культуре в целом, и остается актуальной не только в качестве исторического опыта, но и для моделирования будущего.

В дополнение к известным и многократно проверенным способам реконструкции, таким как широко практикуемые в этнографии, фольклористике, антропологии и проч., в последние годы именно этический аспект благодаря “memory studies” выводится на первый план.

В традиционной культуре внешние контакты, как правило, были сведены к минимуму, этническое сообщество относительно стабильно жило на освоенном пространстве по завещанному предками обычаю и достаточно узким кругом, потому идентификация личности осуществлялась автоматически по принципу импринтинга — первичного запечатления и носила общинный, коллективистский характер (не путать с коллективной идентичностью).

Символы связываются в осмысленные комплексы и функционируют в культуре, выдерживают давление инокультурных влияний, если имеют смысл для этноса. Они выражают и кодируют черты национального характера, установки и ценности этноса, важнейшие аспекты его культуры и истории, тем самым способствуют его самоопределению и созданию своего образа в ходе истории. Когда этнически идентифицируемый образ более или менее оформился, дальнейший процесс отбора объектов символизации принимает избирательный характер, и корректируется под его («я-концепции» этноса) влиянием. При этом резервуаром для формирования корпуса этнических символов является весь наличный фонд культуры, а не только традиционная культура. Гибкая адаптация к перманентным инокультурным «раздражителям» приводит к сдвигам в процессах символизации и идентификации.

Интенсификация процессов символизации, как видно на примерах современности, является защитно-адаптивной реакцией культуры, что, в свою очередь, приводит и к другим последствиям: развитию «я-концепции» этноса; провоцирует изменение динамики культурного роста. Символы, воздействуя на личность (об этом у П.П. Блонского, Л.С. Выготского, А.В. Петровского, А.А. Бодалева и др.) на самых ранних этапах жизни, вызывают следующие процессы этнической социализации: психологическую идентификацию, импринтинг (первичное запечатление), интроекцию (внедрение, внутреннюю проекцию), подражание, фиксацию, атрибуцию (приписывание тех или иных свойств либо черт), перемещение (трансфер), замену (субституцию), стереотипизацию и т. д.

Традиционная культура определяет стратегические приоритеты повседневности, программирует ее посредством обряда. Она стимулирует, регулирует процессы повседневной жизни, освобождая последнюю от рефлексии. Исследователи отмечают «конкретно-ситуативный характер» повседневности [3, с. 56], повторяемость, устойчивость, постоянство повседневного образа жизни [9, с. 64], а также альтернативный характер поведения в повседневности, нацеленность на решение тактических задач. Р. Бенедикт одной

из первых предположила, что набор стереотипов поведения, задаваемых конкретным обществом, национальной культурой, в достаточной степени ограничен и может быть изучен.

Мы исследуем отдельные аспекты модели повседневности в традиционной культуре саха (якутов), основываясь на базовых категориях культуры, в частности: хронотопе, стереотипизированных формах поведения, этноидентифицирующих символах.

Если проследить связь в обратном направлении, то традиционная культура представляется сакрализованной частью повседневности. Культурное ядро, которое составляет система ценностей данной культуры, в ходе повседневности селективно сохраняется в традиционной культуре, «повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [11, с. 130].

Все наиболее значимое в повседневности аккумулируется в традиционной культуре и вновь транслируется в повседневность в форме табу, правил, стереотипов. Повседневная культура, на первый взгляд, наиболее открытый и доступный наблюдению слой в культуре, в силу своей обыденности, кажущейся самоочевидности труднее всего поддается анализу, проблематичным становится даже ее элементарное описание.

Модель повседневности строится на базе фундаментальных, пространственно-временных характеристик бытия. «В нее включены характеристики пространства повседневности, с его топографией, определением центра, периферии, границ, приграничных территорий; способов и маршрутов перемещения внутри и выхода за пределы, времени повседневности, понятого широко, включая понятия ритма и темпа: от ритмов тела — ритмических движений, ходьбы, бега, еды, питья и естественных отправления — до ритма и темпа повседневных событий — распорядка дня — и контекста повседневных событий — календарного времени» [4, с. 92].

При рассмотрении традиционной повседневности базовыми являются локально-темпоральные характеристики, во многом определяющие культурное пространство, конструируемое не только на основе хронотопа, но обязательно включающего представления о мироздании, о должном и вечном, то есть модель мира в данной культуре.

Валлерстайн называет их, соответственно, «структурным временем» (включая долговременных секулярных трендов «большой длительности») *aevum* — век и «циклическим временем»

(более быстрых конъюнктурных, по-Броделю, ритмов) *kairos* — трансформационное, время свершений.

Структурное время — *aevum* включает или, что точнее, выстраивает долговременные «горизонтальные» структуры исторических систем в культурных архетипах и ментальных конструкциях, именно в этом типе времени протекает традиционная повседневность. Она представляет собой «действительно «неисключаемое среднее»; уникально конфигурируемые периоды «большой длительности», противоположные как событийному времени актуального хроноса (ибо обладают принципиально иным масштабом и процессуальной глубиной), так и надвременной бесконечности абсолютной *aeternitas* (ибо обладают чертами уникальности и необратимости)» [1, с. 195].

Природное окружение воспринималось мифологическим сознанием не только в пространственном, но и во временном измерении, которое представлялось также антропоморфно, например, *дьыл оройо* (букв.: макушка года; соотносимо с русским выражением «макушка» дня, лета, в значении пик, середина конкретного временного отрезка), *дьыл атага* (букв.: ноги года, в значении конец года; в русской языковой традиции «протянуть ноги», в значении «умереть», конца времени, отпущенного на жизнь), что объясняется универсальностью и доступностью критерия, каковым выступает тело человека. «Само тело отчасти становится точкой кристаллизации толкований, включающих в себя социальное; отчасти — разлагается на аспекты для использования в комбинаторных связях больших функциональных систем. Следовательно, семантика телесности со своим, пожалуй, бесспорным влиянием на ощущение и использование тела коррелирует с изменением форм, возникающим в ходе социокультурной эволюции. И это происходит потому, что человеческое тело не является ни голой субстанцией (в качестве носителя способностей), ни голым инструментом для социального использования, а включается во взаимопроникновение человека и социальной системы» [6, с. 333].

Вместо времени, которое существует «только тут» просто как чистый физический параметр, еще Ф. Бродель установил множественность (форм) социального времени, форм творимого времени, назовем его культурным, которое, будучи создано, помогает организовывать социальную реальность, и вместе с тем существует как сдерживающий фактор, ограничивающий социальное действие. Базовым для всех форм времен является биологическое (органическое) время, которое задается особенностями человека как биологического организма, несмотря на то, что это время обособленного организма, оно обусловлено рамками биологического вида и потому неиндиви-

дуально и независимо от его субъективного восприятия, оно линейно, однонаправлено, необратимо и также неоднородно. К нему принято относить и биологическое родовое время, главная отличительная черта которого — цикличность.

«Время не существовало для сознания безотносительно к тому, что происходит во времени, ...Отсюда качественная определенность времени, ... конкретно-вещественный характер восприятия времени» [2, с. 129]. Однако внутри определяемых качественно дней существует своя градация по степени положительности и отрицательности, а, следовательно, для каждого дня существуют свои правила поведения. Обрядовое время отличается от профанного. Тот период, когда в обыденных ситуациях запрещаются определенные действия, в сакральных, наоборот, рекомендуется их совершение, то, что М.М. Бахтин называл «перевернутым праздником».

Предложенная И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым четырехуровневая модель обыденных темпоральных представлений: «индивидуальное и эмпирическое»; «семейное и родовое»; «сакральное» и «историческое» [8, с. 576—584] позволяет соединить в традиционном мировоззрении воедино религиозную и социальную жизнь, вписывая человеческую жизнедеятельность в природное равновесие.

Итак, время традиционной повседневности характеризуется большей длительностью, процессуальной глубиной, вялой текучестью. Оно неуловимым парадоксальным образом обретает горизонтальное направление, отмеченное И. Валлерстайном, уточняющим и дополняющим *la longue durue* — время большой длительности Ф. Броделя. По природе своей идеальная модель времени в традиционной повседневности ближе статической и экстемпоральной вечности. Казалось бы, данное качество должно было бы намного облегчить задачи всякого рода анализа, реконструкции и прочих манипуляций. Но при ближайшем рассмотрении задачи всякий раз усложняются, так как напрашивающийся вариант интерпретации на поверку оказывается недостаточно универсальным, не укладывающимся в неизбежные трансформации смысловых связей традиционных форм культуры.

Список литературы:

1. Валлерстайн И. Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // Вестник Харьковского государственного университета. — № 409/98, — 1998. — С. 186—197.
2. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — 560 с.
3. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 2000. — 432 с.

4. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГУКИ, 2002. — 320 с.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. — 704 с.
6. Луман Н. Социальные системы. СПб.: Наука, 2007. — 643 с.
7. Налчаждян А.А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. — 380 с.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. М.: Языки русской культуры, 1997. — 800 с.
9. Савченко Л.А. Социология повседневности. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2000. — 200 с.
10. Спайсер Э. /Цит по С.В. Лурье. Историческая этнология/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://svlourie.narod.ru/hist-ethnology/> (дата обращения: 09.09.2012).
11. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.

СЕКЦИЯ 2.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

**ТЕМПЕРАТУРНАЯ МЕТАФОРА ХОЛОДА
В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Комаров Егор Валерьевич

канд. филол. наук, доцент

*Санкт-Петербургского академического университета —
Научно-Образовательного Центра Нанотехнологий РАН,*

РФ, г. Санкт-Петербург

E-mail: floyd11@rambler.ru

**TEMPERATURE METAPHOR
OF COLD IN MODERN AMERICAN FICTION**

Egor Komarov

*candidate of philological sciences, associate professor
of St. Petersburg University of the Russian Academy of Sciences —
Scientific Educational Centre of Nanotechnologies of RAS,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье в рамках когнитивного подхода и теории концептуальной метафоры на материале Корпуса американского варианта современного английского языка рассматривается температурная метафора холода. Выявляются области-цели метафорического переноса для области-источника COLD, после чего делаются выводы о количественном соотношении метафор в различных областях-целях.

ABSTRACT

The paper deals with the temperature metaphor of cold in modern American fiction within the framework of the cognitive approach and conceptual metaphor theory (research material is taken from the Corpus of Contemporary American English). Target domains for metaphors in the source domain COLD are determined, and then the conclusions are made regarding the number of metaphors in each target domain.

Ключевые слова: концептуальная метафора; область-источник; область-цель.

Keywords: conceptual metaphor; source domain; target domain.

Метафора как необходимый инструмент познания, способ мышления, развития языка и появления новых значений занимает в когнитивной лингвистике одно из центральных положений. Область-источник — это одно из основных понятий теории концептуальной метафоры, основоположниками которой являются американский лингвист Дж. Лакофф и американский философ М. Джонсон. Как отмечает их последователь З. Ковечеш, «концептуальная область, из которой мы берем метафорические выражения для понимания другой концептуальной области, называется областью-источником, тогда как концептуальная область, которая понимается таким образом, — это область-цель» [4, с. 4]. Мы, таким образом, понимаем и осмысливаем область-цель через область-источник.

Данная статья — попытка проанализировать, какие области-цели описываются, осмысливаются посредством области-источника COLD в американском варианте современного английского языка. Нами был выбран для анализа дискурс художественной литературы, так как он более образный и метафоричный по сравнению с другими дискурсами: научным, публицистическим и бытовым. Следует отметить, что подавляющее большинство выявленных нами в ходе исследования метафор является традиционными, словарными (англ. термин — *conventional*). Как отмечает в своей обзорной статье Л.В. Кульчицкая, «по степени новизны и конвенциональности (закрепленности в языке) у Дж. Лакоффа и М. Джонсона выстраивается трехчленный ряд: 1) стертые метафоры (мертвые); 2) обиходные, понятные всем (конвенциональные); 3) оригинальные (*novel*). То, с чем человек имеет дело ежедневно и чаще всего, — это конвенциональные метафоры, реже — оригинальные [2, с. 177]. Традиционные (конвенциональные) метафоры занимают положение как бы посередине между буквальным и метафорическим употреблением языка, и для

их понимания требуется меньше усилий, чем для понимания оригинальных, авторских метафор, поскольку их однозначная трактовка уже закрепилась в языке [3, с. 17]. Тот факт, что наша выборка включает в себя в основном традиционные метафоры, может быть объяснен принадлежностью концепта COLD к ключевым концептам, важностью температурных изменений, смены погоды и климата для человека, для его эмоций и внутреннего состояния. Видимо, метафоризация из данной области-источника начала происходить давно, происходила часто, что привело к существованию в современном языке большого количества традиционных метафорических переносов по модели “..... IS COLD”. Цель нашего исследования – выяснить, какие концепты занимают место первого элемента данной модели, для номинации каких областей-целей используется данная область-источник.

Температурная метафора как таковая редко является предметом отдельного исследования. Среди последних исследований отечественных лингвистов можно отметить кандидатскую диссертацию А.А. Быковой, в которой автор ставит цель описания «фрагмента русской языковой картины мира, репрезентированной метафорами с семантикой температуры, в аспекте ее системных свойств и дискурсивного варьирования» [1, с. 4]. В методологии ее исследования сочетались приемы структурной семантики, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа. Автор приходит к важному выводу, что «семантика температуры выступает в качестве сферы-источника метафорического моделирования явлений концептуальных сфер «Чувства и эмоции», «Социальные явления», «Ментальные явления», «Физические явления», «Перцепция»» [1, с. 6].

Наше исследование, как уже отмечалось, касается только дискурса художественной литературы и проводилось в русле когнитивной лингвистики, методами которой мы и пользовались. Метод нашего исследования основан на подходе А. Стефановича [5] и заключается в следующем: сначала при помощи словарей синонимов выделяются лексемы, принадлежащие к области-источнику (т. е. концептуальному полю) COLD. Затем в корпусе задается поиск той или иной лексики. Из данной сплошной выборки выделяются все метафорические выражения, которые затем группируются в соответствии с областями-целями (source domains). Важным преимуществом данного метода является возможность количественного представления результатов и последующего сравнения числа метафор с разными лексемами. На последнем этапе делаются выводы о том,

в какие области-цели направлены метафорические переносы и каково количественное соотношение метафор в них.

Для создания выборки использовались данные Корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American English), доступного в Интернете по адресу <http://corpus.byu.edu/coca/>. Было отдано предпочтение данному корпусу перед Британским Национальным Корпусом (British National Corpus), потому что он содержит 450 млн. слов и ограничен временными рамками 1990—2012 гг., тогда как последний — 100 млн. слов и ограничен 1980—1993 гг.

Итак, на первом этапе были отобраны лексемы, принадлежащие к ядру и ближней периферии концептуального поля COLD, лексемы, наиболее продуктивные при создании метафор. Приведем их список и дефиниции только метафорических (производных) значений, дающиеся по онлайн-словарию Longman (<http://www.ldoceonline.com/>):

COLD — unfriendly or lacking normal human feelings such as sympathy, pity, humour, etc.;

COOL — behaving in a way that is not as friendly as you expect;

CHILL — a sudden feeling of fear or worry, especially because of something cruel or violent;

CHILLY — unfriendly;

FREEZE — to stop moving suddenly and stay completely still and quiet;

somebody's blood freezes — used to say that someone is very frightened or shocked;

WINTRY — a wintry smile or expression is not very friendly;

ICY — an icy remark, look etc shows that you feel annoyed with or unfriendly towards someone;

ICILY — if you say something icily, or look at someone icily, you do it in an angry or very unfriendly way;

FROSTY — unfriendly.

Уже на данном этапе можно заметить, что основные области-цели метафорического переноса при создании словарных (конвенциональных метафор), — это:

1. UNFRIENDLINESS (HOSTILITY)
2. FEAR (SHOCK)
3. MOTIONLESSNESS

Теперь представим результаты исследования, полученные методом сплошной выборки из Корпуса. Всего было обнаружено 817 метафорических употреблений компонентов области-источника COLD. Приведем теперь список обнаруженных метафор; сначала —

с лексемой COLD и производного от него существительного COLDNESS (по убыванию общего количества метафорических выражений из нашей выборки):

cold fury 20	
cold glare 14	
coldness in smb.'s voice 8	cold premonition 2
wave of coldness 5	cold finality 2
cold disapproval 4	cold realities 2
cold pragmatism 3	cold formalities 2
cold indifference 3	cold silences 2
cold cruelty 3	cold scorn 2
cold disdain 3	cold glitter (in the eyes) 2
cold aloofness 2	melt the coldness 1
	wrapped in coldness 1

Мы видим, что в процессе метафоризации лексемы COLD задействованы следующие области-цели:

NEGATIVE ATTITUDE TO PEOPLE (disapproval, glare, scorn, cruelty, disdain, aloofness, pragmatism)

STRONG NEGATIVE EMOTION (fear)

HOSTILITY/INDIFFERENCE — во всех метафорах с компонентом *coldness*, который в самом общем смысле может интерпретироваться как «холодность», т. е. равнодушие, недоброжелательность, отсутствие эмоций. Нам кажется, что не всегда можно однозначно трактовать подобные метафоры и с уверенностью сказать, что имеется в виду, какое именно чувство и отношение, равнодушие это или скрытая враждебность, поэтому HOSTILITY/INDIFFERENCE трактуются нами в данном случае как одна область-цель.

Также уместно было бы упомянуть здесь идиому, основанную на метафоре: *He/she is a cold fish - a person who is very reserved or aloof in manner or who lacks normal cordiality, sympathy, or other feeling* (было обнаружено 23 примера с этой идиомой в корпусе). Кроме этого, было обнаружено 20 примеров с идиомой *cold sober* (сленг: *совершенно трезвый*). Возможно, холодность ассоциируется с рассудительностью, характерной для трезвого человека, поэтому именно *cold sober*, а не какое-то другое прилагательное. Идиома *cold case* (полицейский сленг: «глухое», *нераскрытое дело*) также является метафорой. Можно предложить такую интерпретацию: нерешенное, нераскрытое, т. е. «мертвое» дело, а мертвый — значит холодный.

Ниже в виде аналогичных списков приведем метафоры с остальными компонентами области-источника COLD:

FROZE (112)

smile froze 21
 blood froze 19
 heart froze 18
 image froze 11
 expression froze 10
 smb. froze the image 9
 gaze froze 5
 froze in shock 5
 words froze in horror 4
 smb. froze in/with horror 4
 froze in terror 2
 horror froze me 1
 horror froze in his limbs 1
 horror froze her blood 1
 shock froze 1

FROZEN

stood (stands) frozen 190
 frozen in (with, by) fear 43
 remain/s/ed frozen 39
 frozen (with) horror) 29
 frozen image 28
 frozen to the spot 24
 frozen in (by, with) shock 19
 frozen in (with) terror 15
 frozen indecision 7
 faces frozen 7
 frozen expressions 6
 frozen in disbelief 6
 frozen terror 5
 frozen (in a) grimace 5
 frozen horror 4
 frozen shock 3

В метафорах с лексемами FROZE и FROZEN появляется новая область-цель — MOTIONLESSNESS, понимаемая как отсутствие физического движения, неподвижность объекта, человека, так и как отсутствие мимики, эмоций, т. е. неподвижность лица, взгляда, вызванная, в частности, страхом, ужасом, шоком. Метафоры *blood froze* и *horror froze her blood* используются для описания эмоции сильного страха.

Метафоры с лексемами ICY, ICILY, FROSTY, CHILL, WINTRY, COOL используются для номинации областей-целей HOSTILITY/INDIFFERENCE (метафоры, описывающие взгляд, тон голоса, поведение и т. п.) и STRONG NEGATIVE EMOTION (все метафоры с лексемой *chill*, ср. метафорическое значение этой лексемы, приведенное выше).

См. список метафор ниже:

ICILY

asked icily 26
 icily polite 4
 icily aloof 1

FROSTY

frosty silence 6
 frosty gaze 3
 frosty stare 2

CHILL

chill (of) fear 16
 chill crept 10
 chill runs 8
 wintry smile 9

ICY

icy stare 24
icy calm 14
icy tone 14
icy glare 9
icy gaze 8
icy fear 6

icy demeanor 4
icy composure 3
icy thrill 3
icy sensation 3
icy reply 3
icy terror 2

COOL

cool detachment 9

WINTRY 9

winty smile 9

Проведенное исследование показало, что все исследованные компоненты области-источника COLD используются для метафорической номинации следующих областей-целей:

MOTIONLESSNESS (40 % от общего количества метафор из нашей выборки)

1. STRONG NEGATIVE EMOTION (FEAR, SHOCK, HORROR, FURY) (32 %)
2. HOSTILITY (UNFRIENDLINESS)/INDIFFERENCE (19 %)
3. NEGATIVE ATTITUDE TO PEOPLE (9 %).

Поскольку воздействие холода неприятно для организма, заставляет испытывать физический дискомфорт и иногда боль, т. е. негативные чувства, не удивительно, что область-источник COLD широко задействована для номинации отрицательных эмоций и отрицательного или равнодушного отношения к людям.

Список литературы:

1. Быкова А.А. Температурная метафора в русской языковой картине мира: дискурсивное варьирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. — 26 с.
2. Кульчицкая Л.В. К вопросу об идентификации лингвистических метафор // Вестник ИГЛУ. — 2012. — № 17. — С. 174—184.
3. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. NY., 2004. — 263 p.
4. Covescs Z. Metaphor. A Practical Introduction. NY: OUP. 2002. — 285 p.
5. Stefanowitsch A. Words and Their Metaphors. A Corpus-Based Approach // Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy / ed. by A. Stefanowitsch, S.T. Gries. Berlin. 2006. — P. 63—105.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОЙ НАСЫЩЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ

Косова Ирина Олеговна

*канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков,
доцент Международного института менеджмента ЛИНК,
РФ, г. Жуковский
E-mail: irina_olegkosova@mail.ru*

STUDYING THE SEMANTIC ASPECT OF INFORMATIVE-RICH VERBS

Irina Kosova

*candidate of Science, Head of Foreign Languages department,
assistant professor of International Management University LINK,
Russia, Zhukovsky*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются лексемы, чья смысловая структура гиперконкретна и информационно-насыщенна. Основной задачей является выявление семантических характеристик таких лексем и демонстрация их функционирования в массмедийных контекстах. Такие лексемы в статье именуются как информативно-насыщенные глаголы.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of lexemes with hyper concrete and informative structure. The main task is revealing semantic characteristics of such verbs and demonstrating their functions in mass-media contexts. The verbs in the article are called informative-rich.

Ключевые слова: информативно-насыщенный глагол; лексема; лексическое значение; семантика.

Keywords: informative-rich verb; lexeme; lexical meaning; semantics.

Лингвистов-семасиологов и всех тех, кто занят исследованиями текстоцентрического характера, в последнее время интересуют лексемы, чья семантическая структура имеет сложную организацию компонентов, совокупно актуализирующихся в специфичных

контекстах речевого континуума. Этим лексем сегодня становится все больше из-за возникновения у современного Homo Sapiens насущной необходимости во все более подробном и детализированном членении информационного поля коммуникации. Наиболее адекватным отражением этой тенденции является многофункциональное и поликонтекстное пространство *масс-медиа* (или СМИ — средств массовой информации), представляющее собой многоуровневую структуру, или «сеть», узлами которой оказываются лексические единицы, призванные хранить информацию в свернутом (упакованном) виде.

Наибольший интерес у исследователей вызывают единицы, относящиеся к классу «функций», т. е. глаголов, номинирующих действие, состояние или процесс.

Интерес обусловлен тем, что общеизвестна нормативно-синтагматическая ценность этой части речи по сравнению с другими классами. Еще В. фон Гумбольдт указывал на то, что «...Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, жаждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь» [1, с. 135]. Все последующие поколения лингвистов поддерживают эту идею и признают глагол «единственно возможным центром предложения», «ядром предложения», «коммуникативным центром высказывания — вербальным узлом, держащим всю структуру», «макетом будущего предложения». На номинативно-синтагматическую ценность глагола обращает внимание Г.Г. Сильницкий, утверждая, что данная часть речи «отображает темпорально-динамический аспект объективной действительности, проявляющейся в различных последовательностях изменений, происходящих в той или иной сфере реального мира» [2, с. 46].

Лексическое значение глагола характеризуется, прежде всего, потенцией к успешному отображению темпорально-динамической картины мира и хранению сложного понятия о процессуальном признаке в его отношении к субстанции и другим признакам [3, с. 78]. Среди важнейших свойств семантики глагола лингвисты отмечают высокую степень вариативности при передаче информации о протекании, характере и направлении процесса. Лексическое значение глагола обладает способностью вбирать в себя как самые абстрактные сведения о процессе (бытие, обладание), так и гиперконкретные признаки процесса.

Впервые на свойство глагола участвовать в детализации процесса номинации и отображать целые ситуации реального континуума путем концентрации в значении большого количества семантических

компонентов обратила внимание А.А. Уфимцева. Ею был введен в научный оборот термин *omnibus verbs* — глаголы, аккумулирующие в своей смысловой структуре дифференциальные признаки, которые, будучи развернуты в ситуативную модель, дают целостную картину действия/состояния/процесса [4, с. 25].

Более подробное исследование гиперконкретной глагольной лексики предпринималось Е.И. Шейгал и А.В. Оляничем [5, с. 43], причем именно в их статье сделана попытка изучения таких лексем и введен термин «информативно-насыщенные глаголы». Основной задачей является выявление семантических характеристик таких лексем и демонстрация их функционирования в массмедийных контекстах. Такие лексемы в статье будут именоваться как информативно-насыщенные глаголы.

Необходимо отметить следующее: информативно-насыщенные глаголы становились предметом исследования у лингвистов «постольку-поскольку», в связи с их участием в разнообразных сторонах языкового континуума; каждого из исследователей такие лексемы интересовали либо с точки зрения глубины их семантического объема, либо как единицы, участвующие в номинативном процессе в роли одного из компонентов регулировки точности — приблизительности номинации.

Анализ смысловой структуры информативно-насыщенных глаголов невозможен без определения самого понятия информативной насыщенности. Информативная насыщенность семантики слова может быть определена как результат выполнения словом его важнейшей функции — кумулятивной, т. е. способности лексической единицы содержать (концентрировать) в себе целый ряд смысловых компонентов, отражающих тот или иной скол реальности и к тому же строго иерархизированных, выполняющих жестко закрепленную за каждым таким компонентом задачу. Иерархия смысловых компонентов лексического значения разворачивается на социокультурном фоне, который обеспечивается как «изнутри», т. е. с задействованием ресурсов собственно семантики лексемы, так и «извне», при реализации значения информативно-насыщенного глагола в речи (тексте), когда дополнительные информационные смыслы иррадированы контекстом. Также представляется, что понятие информативной насыщенности глагольной лексемы теснейшим образом связано с особенностями лексического значения глагола; последнее, собственно говоря, включает в себя первое. Задачей исследования будет также являться комплексное описание семантики глаголов как с точки зрения их смыслового объема, так и с позиций их качественного своеобразия.

За основу семантической классификации информативно-насыщенных глаголов берется так называемая шкала неоднозначности лексических единиц — понятие, введенное Ю.Д. Апресяном для отображения типов лексико-семантического варьирования лексических единиц. Первоначально автором предполагалось наличие на шкале двух полюсов — моносемии (как точки отсчета семантических изменений в слове) и омонимии (как предела лексико-семантического варьирования — процесса, отражающего интерпретативную сущность слова). Шкала целиком, т. е. между полюсами, занята полисемией. Однако впоследствии содержание шкалы неоднозначности было уточнено. А.В. Олянич вводит понятие олигосемии как явления, предшествующего полисемии; Л.Я. Гросул вводит понятие эврисемии для обозначения глагольных лексем широкой семантики и видит место этого явления на шкале неоднозначности как своеобразную надстройку над шкалой. Последнее явление представляется нерелевантным, поскольку широкозначный глагол не может быть информативно-насыщенным в том смысле, который мы вкладываем в понятие информативной насыщенности. Широкозначность в семантическом плане следует интерпретировать скорее как информативную размытость, а не насыщенность. В эврисемантических глаголах отсутствуют гиперконкретные признаки процесса, действия или состояния, а потому они не могут быть предметом нашего исследования.

Представляется целесообразным выявить коммуникативные типы информативно-насыщенных глаголов современного английского языка. Здесь важно определение статусных признаков коммуникативного значения исследуемых лексических единиц. Не менее существенной задачей представляется выявление «арсенала» средств значения как истинно реализуемых в высказывании, так и тех, которые не получили такой возможности. Здесь ядерным моментом становится собственно определение типов коммуникативно-релевантной информации, заложенной в значении глагола, которая может быть как поверхностной, так и глубинной, обнаруживающей себя только в момент самой коммуникации.

Наиболее ярко информативная насыщенность глагольной единицы проявляется в контекстах масс-медиа, которые полнее всех прочих irradiруют дополнительные информационные смыслы и дают полную картину социально-культурного фона.

Контексты масс-медиа представляют собой идеальную среду для анализа функционирования информативно-насыщенных глагольных лексем прежде всего потому, что они представляют собой вполне самостоятельный конгломерат, живущий по своим собственным

законам и, соответственно, использующий свою знаковую систему, свои способы воздействия на реципиента информации. Интересным признаком, позволяющим практически безошибочно определить наличие информативно-насыщенного глагола в массмедийном контексте, является его «новизна» как для читателя, английский которого является родным, так и для изучающего английский язык как иностранный. Всякий раз, когда мы имеем дело с информативно-насыщенным глаголом в масс-медийном контексте, именно он является когнитивным препятствием и очень редко позволяет контексту десемантизировать себя.

Изучение изменений в смысловой сфере языка способствует постижению диалектики всеобщего языкового развития, а знание о том, как человечество аккумулирует информацию об окружающем его мире, хранит ее и применяет, оказывается чрезвычайно важным для работы систем, так или иначе применяющих лингвистические знания (конструирование моделей для разработки современных средств коммуникации, компьютерных приложений, средств компьютерного обеспечения и т. д.).

Список литературы:

1. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию (Серия «Языковеды мира»). М.: Прогресс, 1984. — 398 с.
2. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола //Учеб. пособие к спецкурсу. М., 1984. — 96 с.
3. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке // Учеб. пособие к спецкурсу. Смоленск, 1986. — 112 с.
4. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.; Наука, 1986. — 240 с.
5. Шейгал Е.И., Олянич А.В. Типы семантических перегруппировок при переводе информативно-насыщенных глаголов // Переводческие аспекты сопоставительных исследований: Межвузовский сборник научных трудов Пермского госуниверситета. Пермь, 1988.

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ
В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА
“SCHÖNHAUSER ALLEE”**

Русяева Мария Михайловна

*канд. филол. наук, доцент, Российская правовая академия
министерства Юстиции РФ (средне-волжский филиал),
РФ, г. Саранск*

E-mail: marijaru@mail.ru

**CROSS-CULTURAL SITUATIONS OF COMMUNICATION
IN THE TEXT OF THE SHORT STORIES COLLECTION
BY V. CAMINER «SCHÖNHAUSER ALLEE»**

Rusyaeva Maria

*candidate of Science, assistant professor of Russian Law Academy
of Ministry of Justice of Russian Federation the medium Volga branch,
Russia, Saransk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идёт о межкультурном взаимодействии, нашедшем своё отражение в тексте сборника рассказов В. Каминера “Schönhauser Allee”. В частности, подчёркивается, что межкультурные ситуации общения, запечатленные в диалогической ткани произведения, пронизаны смысловым взаимодействием языковых средств, репрезентирующих специфику национальных культур.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of intercultural cooperation which found its reflection in the text of the short stories collection by V. Caminer “Schönhauser Allee”. It is asserted that intercultural communicative situations depicted in the text dialogues are full of notional cooperation of the verbal devices representing the specific character of national cultures.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; диалог; стереотип, автор; текст.

Keywords: cross-cultural communication; dialogue; stereotype; author; text.

В эпоху бурного развития межнациональных связей, межкультурных отношений, международных контактов особую актуальность приобретают вопросы межкультурного взаимодействия. Такой тип взаимодействия подразумевает поиски культурного единства, введение «чужого» в свой мир, который при этом должен сохранить и собственное своеобразие. Для гуманитарного направления науки интерес представляет область межкультурного диалога, формирование, функционирование и трансляция системы ценностей, диалектика процесса самоидентификации культуры в диалоге с иностранными, специфика восприятия своих и чужих ценностей, национальное, как дискурсивное, сохранение своих ценностей [1].

Цель диалога культур, прежде всего, состоит в том, чтобы достичь взаимопонимания между участниками коммуникации, необходимого для преодоления межкультурных конфликтов. Для того чтобы найти ключ к эффективной межкультурной коммуникации, требуется изучение специфических особенностей взаимодействующих культур, а также характеристик носителей языка и культуры — языковых личностей, вступающих в межкультурный диалог посредством текстовой деятельности [3, с. 5]. Межкультурные ситуации общения занимают важное место в литературной коммуникации в сферах автор-персонаж и персонаж-персонажи [6, с. 281]. Таким образом, анализ межкультурных взаимодействий поможет выявить особенности национальных культур, запечатленных в тексте межкультурных диалогов, а также раскрыть специфику языковых средств их репрезентирующих.

Автор, продуцируя текст, будет отражать в нём своё видение чуждой для него культуры через призму индивидуального восприятия данной культуры, основываясь на своих знаниях. При этом характеристики даваемые автором данной культуре будут зависеть не только от объективных сведений и культурных реалиях, но и от субъективных эмоциональных оценок, указывающих на индивидуальное отношение к ней, что в свою очередь, отражается на диалогических моделях, используемых им.

Сборник рассказов В. Каминера “Schönhauser Allee” изобилует примерами межкультурного взаимодействия и коллизиями, происходящими с героями рассказов по причине культурных различий. Чаще всего межкультурное взаимодействие можно наблюдать в общественных местах: магазинах, пивных, на улицах города, между соседями.

В следующем примере журналисты немецкого телевидения приходят к автору домой брать интервью на тему «Русские в Берлине», поводом служит приезд российского президента

в Германию: *“Wir brauchen dringend für morgen irgendetwas zum Thema >Russen in Berlins” “Was ist denn passiert?”, fragte ich. »Na ja, der russische Präsident kommt nach Deutschland, und überhaupt... Wir kommen um drei und verschwinden wieder um vier. Schnell und schmerzlos sollte es sein, versprach mir der Journalist.* Здесь интересны слова журналиста *“schnell und schmerzlos”* по отношению к своему приходу, этим подчёркивается, что гости не хотят доставлять какие-либо неудобства хозяину. То есть, автор, приписывая данную реплику немцу, показывает их отношение к гостеприимству: указывается точное время, когда ждать гостей и на сколько они придут. Журналисты приходят в точно назначенное время, в обеденный перерыв, когда по всему дому, населенному всякого рода национальностями, разносится запах, готовящейся интернациональной еды: *Das Fernseheteam kam um drei — genau rechtzeitig zum Mittagessen. “Haben Sie eine Leiche in der Wohnung?”, fragte er mich. “Nein”, antwortete ich, »so riecht unser Haus mittags immer”. “Und woher kommt das?” “Das ist Multikulti!”, sagte ich verlegen. “Hochinteressant”, röchelte der Journalist.* Из короткой метафоры — мультикультурализм плохо пахнет — можно понять отношение автора к данному понятию.

В. Каминер часто использует в своем творчестве стереотипные представления людей о других национальностях. Стереотипы в восприятии выходцев из иной страны существовали всегда и продолжают существовать. Стереотипы существуют и в отношениях между народами, которые, в общем, достаточно хорошо знают друг друга и имеют общее историческое прошлое [4, с. 3]. Под стереотипами понимают «прежде всего, определенное представление о действительности или ее элементе с позиции «наивного», обыденного сознания» [5, с. 24]. Этнокультурные стереотипы проявляют себя как обобщенное стандартное представление о типичных чертах представителей определенного этноса или этноса в целом. Существуют автостереотипы, представления народа о себе самом, и гетеростереотипы, стандартное мнение других народов о данном народе [2, с. 97]. Чаще всего В. Каминер пользуется именно гетеростереотипами. Например, широко распространенный стереотип, о том, что русские пьющая нация находит своё подтверждение и на страницах его рассказов: *Die Gläser wurden erneut mit Wodka gefüllt. “Hallo, Manfred”, sagten die Russen, “wir sind froh, dass du jetzt zu unserer großen Familie gehörst; sei du auch froh”. “Bin ich, aber es ist schon spät, ich muss morgen um sieben zur Arbeit, seid ihr nicht auch müde? Wir können doch das alles ein andermal besprechen”, schlug Manfred vorsichtig vor. “Kommt nicht in Frage”, sagten die Russen. “Die Party fängt doch jetzt*

erst richtig an!” В данном примере фигурирует водка как «национальный русский напиток», все попытки немца избежать дальнейшего распития напитка встречают противодействие со стороны его русских гостей.

Что касается не совсем позитивного отношения к своим соотечественникам В. Каминера, то оно определяется тем, что становление автора как личности произошло в Советском Союзе в 80е годы. Для того периода жизни в России было характерным желание молодежи подражать европейскому стилю жизни, покинуть родину и уехать на Запад. Люди устали от экономической и нестабильной политической ситуации в стране. Автор отмечает также трудные социальные условия существования в России и неудобные климатические обстоятельства [4, с. 4].

Справедливо будет отметить, что и другие национальности не всегда представлены в лучшем свете. Так, например, немцы, на чью читательскую аудиторию ориентированы книги Каминера, предстают как люди чрезвычайно практичные: *Das Wasserbett in Karlshorst aufzustellen, obwohl er jede zweite Nacht in der Schönhauser Allee bei Marina verbrachte, wäre total unpraktisch gewesen. Abends kam er mit einem Blumenstrauß zu Marina und schlug ihr vor, zusammenzuziehen.* Таким образом, из чисто практических соображений один из знакомых автора организует свою личную жизнь, о чувствах не говорится не слова.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: межкультурные ситуации общения, запечатленные в диалогической ткани произведения, пронизаны смысловым взаимодействием языковых средств, репрезентирующих специфику национальных культур. Чаще всего они происходят в общественных местах, таких как магазины, улицы города, жилые дома. Персонажи, участвующие в межкультурных взаимодействиях, совершенно различны, и чаще всего принадлежат к простым обывателям: это продавцы, соседи, владельцы местных магазинов и закусовых, друзья и знакомые автора, а иногда и просто случайные прохожие. Часто автор прибегает к стереотипным представлениям в описании какой-либо нации. Исходя из вышесказанного, можно констатировать, безусловную важность диалогов, описывающих межкультурное взаимодействие и раскрывающих национальные черты, запечатленные в текстовой ткани произведения.

Список литературы:

1. Бушев А.А. Личность и межкультурная коммуникация. // Connect-Универсум 2010. Томский государственный национально-исследовательский университет. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://pr.tsu.ru/articles/156/> (дата обращения 12.02.2015).
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
3. Левашкина О.Ю. Текст как репрезентант языковой личности в межкультурной коммуникации. дис. канд. культурологии Саранск., 2005. — 170 с.
4. Лютова О.С. Стереотипные представления о русских жизненных нормах и их языковое выражение в литературе российских немцев. // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: сборник научных трудов / под ред. доцента Е.П. Сосниной. Ульяновск: УлГТУ, 2010. — 165 с.
5. Новикова Е.В. Эталоны сравнения в немецкой языковой картине мира. Омск, 2006. — 156 с.
6. Фокина М.А. Межкультурные ситуации общения в художественных диалогах (по роману В.Я. Шишкова «Угрюм-река») // Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы: Материалы международной науч.-практ. конференции. Кострома, 5—6 сентября 2006 г. / Отв. ред. Л.Н. Ваулина. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. — С. 281—284.

2.2. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

КРЕАТИВНОСТЬ РЕЧИ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вранчан Елена Витальевна

*канд. филол. наук, ст. преподаватель Новосибирского
государственного университета экономики и управления,
РФ, г. Новосибирск
E-mail: vra545@yandex.ru*

STUDENT'S SPEECH CREATIVITY WITHIN THE FRAME OF RHETORICAL EDUCATION

Elena Vranchan

*candidate of Philological Sciences, Senior lecturer
of Novosibirsk State University of Economics and Management,
Russia, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

В статье основное внимание акцентировано на описании такого метода работы со словом, который в рамках риторического образования не только позволит развивать креативность речи студентов, но и поможет им комплексно применять свои знания о слове в практической деятельности. При этом наибольший теоретический интерес представляет наименее разработанная часть классической античной риторики — элокуция.

ABSTRACT

The article focuses on the method description of work with the word which is part of the rhetorical education that not only develops the creativity of student's speech, but also helps them to apply their knowledge of the word in practice. The greatest theoretical interest is the least developed part of the classical ancient rhetoric — elocution.

Ключевые слова: риторика; классический риторический канон; речевая коммуникация; культура речи; речевое воздействие.

Keywords: rhetoric; classical rhetorical canon; verbal communication; culture of speech; linguistic manipulation.

Одна из главных стратегий современного вузовского образования — развитие творческого потенциала студентов. В этой связи изучение в рамках риторического образования способов построения художественно выразительной речи дает материал для осмысления креативности речи студентов. Думается, этот материал следует рассматривать в исторической ретроспективе. Поэтому наибольший теоретический интерес представляют три группы дефиниций, сформулированные в определенные периоды развития риторики:

1. Греческая, трактующая риторику как «искусство убеждения» (риторика Платона, Сократа, Аристотеля, Апполодора и др.).

2. Римская, трактующая риторику как «искусство говорить хорошо» (наиболее четко встречается у Квинтилиана).

3. Дефиниция, характерная для средневековья и начального периода Возрождения, трактующая риторику как «искусство украшения» (риторика Иоанна Златоуста, Фомы Аквинского) [5, с. 15—16]. Эти дефиниции всегда учитывались риториками. При этом главная риторическая схема — античный канон, который дает такое деление риторики: 1) «изобретение» мысли — инвенция; 2) «распределение» материала — диспозиция; 3) «украшение», придание речи необходимой стилистической формы — элокуция; 4) «запоминание» — мемория; 5) «произнесение» — акция. Так как первые три раздела составляют основу главной риторической схемы, определяющим в развитии креативной речи студентов следует считать этап словесного оформления мысли — элокуцию. На этом этапе определяется: 1) выбор слов; 2) выбор фигур; 3) выбор общего построения фразы (ритм, ораторская фраза, период). Все эти аспекты элокуции должны соответствовать разнообразным экспрессивным возможностям реализации одной идеи: слово и синоним, фраза и перифраза, метафора и другие способы переноса смысла. Можно сказать, цель данного этапа — «разбудить» в человеке способность к словотворчеству. Так как способность к творчеству связана с понятием креативности, то креативность речи — это процесс творческого оформления мысли в слове.

Но все ли студенты готовы проявить способность к креативности? Как утверждал американский психолог А.Г. Маслоу, «существуют сотни или даже тысячи условий для развития креативной личности» [4, с. 87]. В качестве таких условий он рассматривает технику «мозгового штурма», а также обучение через искусство,

музыку и танец. В этом психолог видит новое течение в образовании, потому что оно больше акцентировано на субъективном. Преимущество данного метода, по А.Г. Маслоу, в том, что «появляются благоприятные условия для самопроявления, а, следовательно, благоприятная психотерапевтическая ситуация, благоприятная почва для роста» [4, с. 118]. Этот метод лежит и в основе риторического образования.

Важным условием, способствующим развитию творческих способностей студентов, является взаимосвязь дисциплин, то есть выработка у студентов умения комплексно применять знания в практической деятельности. В рамках риторического образования нас интересуют дисциплины культурологического цикла: культурология, мировая художественная культура, эстетика, этика, искусство и литература. При этом цель обучения состоит в развитии культуры речи студентов.

Так, активная работа по развитию культуры речи студентов проводится в Новосибирском государственном университете экономики и управления в процессе изучения следующих дисциплин: «Русский язык», «Русский язык и культура речи», «Культура речи и деловое общение», «Ораторское искусство», «Ораторское искусство и речевое воздействие в рекламе и связях с общественностью». Эффективность развития культуры речи студентов обеспечивается сотрудничеством университета с различными культурными учреждениями города (музеями, библиотеками, объединениями студентов по интересам и др.). В библиотеке НГУЭУ совместно с кафедрами университета организуются и проводятся библиографические обзоры, книжные выставки, круглые столы, дискуссии, творческие встречи с писателями, конкурсы, викторины, видеопозаказ на актуальные темы, посвященные русскому языку, литературе, культуре. При абонементе художественной литературы создана творческая группа «Художественное слово», которая принимает участие в различных мероприятиях библиотеки. Все это дает студентам возможность не только развить способность художественного, эстетического, нравственного освоения окружающего мира, непреходящих ценностей культуры, но и создать условия для развития креативной личности.

Как было сказано, главным условием для самопроявления является словотворчество. Как показывает практика, студенты охотно экспериментируют со словом. Например, они готовы строить свои высказывания на основе переосмысления прецедентных высказываний, изречений известных писателей, философов и др. Заметим, что творчество такого рода имеет свое начало в древнем греко-римском

мире. Так, известно, что с античных времен трактаты открывались поэтическими приемами из произведений Гомера, Геродота. Древние мужи обращались и к языку Священного Писания [3, с. 91]. Во многом это объясняется тем, что «поэтическое искусство вплоть до эпохи Возрождения представлялось подчиненным строгому риторическому канону» [3, с. 92—93].

К противопоставлению риторики и поэтики, предварительно найдя точку их объединения, стремился Аристотель. Так, противопоставляя ораторскую речь поэтической речи, он утверждал следующее: «Из имен омонимы полезны для софиста, потому что с их помощью он и лукавит, а синонимы — для поэта» [1, с. 115]. Постепенно наблюдаем становление риторики нового типа — неориторики, что связано с понятием «персуазивная коммуникация». Одним из основоположников неориторики Х. Перельман определяет риторику как «теорию персуазивной коммуникации». В рамках этой теории цель любого речевого акта — передача информации и воздействие. В связи с этим в современном обществе происходит выход художественной литературы в массовую коммуникацию. Поэтому мы воспринимаем «культурную информацию», как правило, из газет, журналов, бестселлеров, теле- и радиопьес, существенно влияющих на нашу жизнь, формирующих «массового» читателя.

В текстах литературно-художественных произведений выразительный аспект, направленный на воздействие, играет доминирующую роль, поэтому цитаты из художественных произведений нередко используются в рекламных объявлениях. Ведь яркая, запоминающаяся цитата, изречение позволяют не только выбрать выигрышную тему рекламного объявления, но и определить отличительную черту товара, услуги или идеи, подлежащих рекламированию. Одна из техник составления рекламного объявления на основе прецедентных текст-мифов была рассмотрена нами в статье «Мифологизация товара в современной рекламе как способ манипулятивного воздействия на сознание потребителя». В статье говорится о том, что «современная реклама творит собственную мифологию таким образом, что предлагает потребителю принять на веру волшебное свойство товара...» [2, с. 58].

Учитывая сказанное, считаем, что составление студентами рекламных объявлений на основе прецедентных высказываний — изречений из художественных текстов позволит в процессе изучения студентами дисциплины «Речевое воздействие» не только творить новый текст, но и утверждать духовные ценности общества. Приведем пример рекламных объявлений, составленных студентами на основе

прецедентного текста и высказывания: 1) «Мороз и солнце; день чудесный! / Еще ты дремлешь, друг прелестный — / Пора, красавица, проснись: / Открой сомкнуты негой взоры / Навстречу соболям «Авроры» / И в шубу чудную рядись!» (реклама мехового салона «Аврора»); 2) «Российское могущество прирастать будет Сибирью!» (реклама промышленно-строительного концерна «Сибирь»). В приведенных текстах составитель рекламы выступает и в качестве адресата (читателя) прецедентного текста (стихотворение А.С. Пушкина, высказывание М.В. Ломоносова), и в качестве адресанта, отправляющего сообщение, в котором доминирующую роль играет выразительный аспект, направленный на воздействие. Эффект воздействия, планируемый автором рекламного текста, во многом зависит от достижения изменений в эмоциональном состоянии читающих этот текст. Конечно, выводы об эффекте воздействия носят предположительный характер.

Во многом эффект воздействия рекламы и художественного текста достигается за счет словесных раздражителей. Например, в рекламе для создания должного эффекта используется прием опровержения скрытого тезиса. Названный прием строится на основе оксюморона или трансформации прецедентного высказывания. Если говорить о художественном тексте, то эффект воздействия на читателя нередко обусловлен «остранением». Это понятие, введенное В. Шкловским, связано с различного рода отклонениями от норм повседневного языка, с необычностью, с новыми поэтическими конструкциями [5, с. 30]. Соответственно, не только реклама, но и художественный текст направлены на достижение эффекта речевого воздействия. При этом реклама, как правило, активизирует внимание потребителя, а художественный текст — внимание читателя.

Итак, в рамках риторического образования одним из факторов, влияющих на развитие творческих способностей студентов является этап словесного оформления мысли — элокуция. Рассмотрение данного этапа в исторической ретроспективе позволило описать прием комплексного применения риторических знаний в практической деятельности. Как было выявлено, составление высказывания на основе прецедентных текстов и изречений позволяет реализовать эффект речевого воздействия при усилении взаимосвязи дисциплин: поэтики и риторики; литературы и рекламы.

Список литературы:

1. Аристотель. Риторика / пер. с древнегреч. О.П. Цыбенко. Поэтика / пер. В.Г. Аппельрота. М.: Лабиринт, 2000. — 224 с.

2. Вранчан Е.В. Мифологизация товара в современной рекламе как способ манипулятивного воздействия на сознание потребителя // Альманах современной науки и образования. — 2014. — № 10 (88). — С. 56—58.
3. Макурenkova С.А. Джон Данн: поэтика и риторика. М.: Академия, 1994. — 207 с.
4. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. — 432 с.
5. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. — 136 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ ПРЕСС-РЕЛИЗАХ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ

Косякова Яна Сергеевна

*преподаватель кафедры документоведения и языковая коммуникация
Донской государственной технической университет,
РФ, Ростов-на-Дону
E-mail: y-kosyakova@mail.ru*

REALIZATION OF DIFFERENTIATION STRATEGIES IN ELECTRONIC PRESS RELEASES OF BANCING SERVICES

Kosyakova Yana

*lectore, Department of Documentovedenie and the language
communications Donskoi State Technical University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется функционирование языка в медиа-дискурсе, реализуемое посредством речевых стратегий и тактик. В качестве ведущей позиционирующей стратегии рассматривается стратегия дифференциации как наиболее типичная для данного типа дискурса. Основываясь на сплошной выборке текстов, мы предлагаем классификацию тактик в свете реализации данной стратегии.

ABSTRACT

The article analyzes the functioning of language in the media discourse, which is realized by means of speech strategies and tactics. As a leading positioning strategy we consider differentiation strategy as the most typical for this type of discourse. Based on a solid sample of texts, we propose a classification of tactics according to the implementation of this strategy.

Ключевые слова: медиадискурс; коммуникативная стратегия; стратегия дифференциации; тактика; пресс-релиз.

Keywords: media discourse; communicative strategy; differentiation strategy; tactics; press release.

Интерес к медиадискурсу, вмещающему в себя целый ряд текстов, функционирующих в массовой коммуникации (реклама, пиар, СМИ, Интернет) является одним из ключевых и знаковых в современной лингвистике [3]. Одним из ведущих и признанных жанров, вмещающегося в пространство медиадискурса и порождающегося в соответствии с законами речевого воздействия и является пресс-релиз (от англ. press-relase — «выпуск для прессы»). В лингвопрагматическом аспекте рассматривается функционирование языка в пиар, медиа, что напрямую объясняется изучением проблем и способов речевого воздействия на реципиента в сфере языка прагматики. На наш взгляд, основным инструментом речевого воздействия в медиа и пиар дискурсах являются коммуникативные стратегии.

Основополагающей базой по изучению проблемы понимания коммуникативных стратегий, генетически вмещенных в речевые стратегии, и их типологизации являются исследования отечественных и зарубежных лингвистов Т. Ван Дейка, О.С. Иссерс, Ю.К. Пироговой, И.А. Стернина и многих других [4, с. 543]. Учитывая определения понятий «речевая стратегия», «коммуникативная стратегия» вышеуказанных нами персоналий, мы будем придерживаться в нашем исследовании такого понимания, что речевая стратегия — удачно спланированная реализация основных задач речевого воздействия в нужном для говорящего направлении. Коммуникативная стратегия, в свою очередь, — это совокупность речевых стратегий и внелингвистических компонентов.

Самодостаточность и характерологические признаки коммуникативных стратегий в медиа и рекламном дискурсах были подробно рассмотрены в работах ученого Ю.К. Пироговой. Автор придерживается той точки зрения, что реклама и масс-медиа признанные виды коммуникации, информационного сообщения и направлены на дости-

жение коммерческих целей, обращены к потенциальному потребителю и оказывают на него коммуникативное воздействие. Рекламные и масс-медийные каналы актуализируют в сознании адресата необходимое представление об объекте, делают образ этого самого объекта лучше, выделяют и сообщают зачастую ирреальные, символические выгоды для потребителя, чем и убеждают адресата сделать выбор в пользу предлагаемого товара или услуги.

В аспекте прагмалингвистики свою классификацию коммуникативных стратегий предложили исследователи О.С. Иссерс и Ю.К. Пирогова. В основе данной классификации речевых стратегий положен такой критерий, как коммуникативные цели и задачи. Вследствие чего выделяют позиционирующие и оптимизирующие стратегии, а первые, в свою очередь, вмещает в себя стратегии дифференциации, ценностно-ориентированные и стратегии присвоения оценочных знаний [2, с. 175]. Основываясь на предложенной классификации и проанализированный нами материал (пресс-релизы банковских услуг), мы выделяем основополагающей стратегию дифференциации в ряде позиционирующих, иные — признаны нами как вспомогательные.

Ключевой задачей, реализующей данный тип стратегии, признается позиционирование предлагаемых услуг в среде им конкурентных. Следует учесть тот момент, что в пределах одной фразы или тексте могут быть реализованы одновременно несколько стратегий. Так, дифференцирующая стратегия как самопрезентирующая услуги и продукты одной банковской структуры реализуется там, где присутствует стратегия дискредитации (от фр. *discrediter* — «подрывание доверия»), понимаемая как некое действие умышленного характера, направленное на подрыв авторитета, имиджа конкурентной структуры. На языковом уровне может реализовываться как эксплицитно (явно представленное), так и имплицитно (скрыто). Основопологающей задачей нашего исследования является выявление языковых средств, реализующих стратегию дифференцирующего типа весьма значимую в ряду позиционирующих. Проанализированная база текстов пресс-релизов Сбербанка РФ, РОСГОСТРАХБАНКА, Райффайзенбанка, ВТБ 24, ПриватБанка (около 300 текстов) позволила выделить ряд коммуникативных тактик. В своем исследовании мы взяли за основу определение О.С. Иссерс, и в след за ней под тактикой мы понимаем одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии [1, с. 86]. В рамках стратегии дифференцирующего типа, мы выделяем следующие тактики:

- **тактика акцентуации на масштабности и лидерстве компании.** Она находит свое воплощение в лексических конструкциях «лучшим проектом», «широкая сеть отделений» по России и за рубе-

жом, *«первый и пока единственный представитель»*, *«лидер всех российских и многих зарубежных банков»* с ключевой доминантой «первый» и «лидер», что, несомненно, характеризует финансовую структуру как надежную, услугами которой пользуются многие и далеко за рубежом. Тому явное подтверждение обнаруживаем в примерах: *«Сбербанка РФ и АНО «Корпоративный университет Сбербанка» стали первыми и пока единственными представителями российского делового сообщества в этой престижной глобальной ассоциации ведущих центров бизнес-образования и корпорации-лидеров»* [8]. Стечение в одной фразовой единице лексем с доминантой «лидер» имеет особый воздействующий потенциал, рождающий в сознании реципиента факт доверия.

- **тактика преданности клиенту и заботы о нем** находит свою реализацию в текстах посредством использования личных местоимений, как то: *«наши продукты максимально просты и удобны»*, *«поощрить наших лояльных клиентов»*, *«Банк защитил покупки своих клиентов»*, *«мы можем удовлетворить любые потребности»*, *«мы предлагаем/ стремимся/ идем навстречу»* и пр. Данная тактика обнаруживается благодаря использованию лексических единиц со значением процесса, непрерывного действия, направленных на улучшение качества обслуживания клиентов, удобство использования широкой линейки продуктов и безопасность: *«стараясь сделать»*, *«Банк расширил»*, *«Банк защитил покупки»*, *«мы можем удовлетворить любые потребности»*, *«идеи навстречу клиентам»*, *«мы гарантируем индивидуальный подход к каждому клиенту»*, *«Банк заботится»* и др. [5; 6; 7; 8] Данные словосочетания с положительным лексическим значением обладают особой силой притягательности, играют роль «крючков», на которые захватывается основное внимание реципиента. К тому же, если обратить внимание на приоритетное направление работы рассматриваемых нами Банков в отношении клиентов, то это обязательно: безопасность, простота, удобство, лояльность, защищенность, качественность, надежность. Именно эти лексемы являются наиболее частотными, которые в очередной раз закрепляют в сознании адресанта необходимость воспользоваться услугами именно этих банков. С данной тактикой тесно связана тактика исключительности предложения.

- **тактика исключительности предложения** подчеркивает не только ее «уникальность», услуги «как поощрения», но и ее относительную легкость», «выгодность», «оперативность», с минимальной затратой временных и материальных ресурсов. Например, *«выдача кредита от 15 минут»*, *«карта оплачивает покупки и услуги*

*в считанные секунды, при покупке до 1000 не потребуется вводить PIN-код или подписывать чек, к тому же карта безопасна», «получи шанс выиграть, при оплате на 500 р. получите 5-й десерт в подарок», «каждый из клиентов получает возможность выиграть один из 4-х автомобилей» и т. д. Все пресс-релизы с предоставлением услуг, акций, специальных предложений несут в себе совершенно конкретную интенцию — клиент всегда в плюсе, предложение в любом случае является выгодным, а банк гарантирует максимум удовольствия для своих клиентов. Это доводится до сознания реципиента грамматикой повелительного наклонения, что побуждают к действию: *оплачивайте, ловите удачу, участвуйте в лотерее, чаще расплачивайтесь, забронируйте* и т. д. [7]. Так же могут использоваться риторические фигуры (риторические вопросы и восклицания) как один из приемов рекламного и медiateкста. Например, *отправляйтесь за покупками в Милан, столицу модных новинок, коллекций и трендов, — что может быть приятней? Хотите отправиться в Disneyland Париж всей семьей? Нет ничего проще! Хотите выиграть путешествие Вашей мечты? Участвуйте в акции «Заправский отдых с Visa и Роснефть»!* [7]. Данная тактика наиболее частотно представлена в текстах пресс-релизов рассматриваемых банков (около 40 % от всего рассматриваемого корпуса текстов).*

- **тактика акцентуации внимания на широком спектре предоставляемых услуг, услуг с учетом потребностей и возможностей клиента.** Это самая частотная тактика из ряда дифференцирующей стратегии (представлена в 65 %) и обозначается лексемой «нововведение», «расширение»: расширил, предложил, запустил, внедряет, объявил акцию, открыл новые возможности, обновил программу/тариф и пр. Данная тактика тесно связана с не менее выраженной тактикой исключительности предложения, порой мы наблюдаем их пересечение, что объясняется широким спектром услуг, предоставляемых определенным банком, появлением альтернативы, возможность выбора становится привлекательной по тем или иным основаниям, а, следовательно, исключительным.

- **тактика акцентуации на партнерстве Банка** — одна из тактик стратегии дифференциации, воплощающаяся в лексемах, словосочетаниях и целых предложениях со значением «взаимовыгодь», «расширения сферы деятельности» к тому же в пользу клиента: *сотрудничество обеспечивает страхователей дополнительных клиентским сервисом; долгосрочное и плодотворное сотрудничество с надежным партнером Банка — компанией РОСГОССТРАХ, сотрудничество направлено на повышение эффективности финансово-кредитной поддержки МСБ (малого и среднего бизнеса), сотрудничество*

с иностранными партнерами для получения не только финансово-экономической поддержки, но и поддержания определенного статуса Банка [7]. (примерно 5 % исследуемого спектра текстов).

Данное исследование в рамках коммуникативно-прагматического и лингвистического подходов позволило выявить закономерности в реализации дифференцирующей стратегии банковских услуг в ряду позиционирующих. На достаточном практическом материале нами было обнаружено ряд тактик, реализующих стратегию дифференциации: тактика акцентуации на масштабности и лидерстве компании, тактика преданности клиенту и заботы о нем, тактика исключительности предложения, тактика акцентуации внимания на широком спектре предоставляемых услуг, услуг с учетом потребностей и возможностей клиента, тактика акцентуации на партнерстве Банка. Нами были рассмотрены закономерности реализации тактик преимущественно на лексическом уровне, с привлечением грамматических особенностей и фигур риторики. Именно эти средства позволили более наглядно выявить коммуникативно-прагматический потенциал текстов, функционирующих в рамках медиадискурса.

Список литературы:

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2006. — 288 с.
2. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. — 224 с.
3. Кобозева И.М. Лингво-прагматический анализ языка СМИ // Сайт [Электронный ресурс] — режим доступа. — URL: http://evartist.narod.ru/text12/08.htm#з_13.
4. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражения в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. Междунар. Науч. Конф. (Москва, 4—7 апр. 2001 г.). М.: Азбуковник, 2001. — 576 с.
5. Пресс-релизы РОСГОССТРАХ БАНК [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rgsbank.ru/about/press-center/news/> (Дата обращения: 07.04.2014).
6. Пресс-релизы ПриватБанк. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.privatbank.pt/news/> (Дата обращения: 04.03.2015).
7. Пресс-релизы Райффайзенбанк. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.raiffeisen.ru/about/press/releases/> (Дата обращения: 04.03.2015).
8. Пресс-релизы Сбербанка РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.sberbank.ru/tver/ru/press_center/all/ (Дата обращения: 04.03.2014).

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА

Проскурина Анна Вячеславовна

*преподаватель кафедры иностранных языков
гуманитарного образования,
Новосибирский государственный технический университет,
РФ, г. Новосибирск
E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com*

Нефедова Надежда Владиславовна

*студент кафедры иностранных языков гуманитарного образования,
Новосибирский государственный технический университет,
РФ, г. Новосибирск
E-mail: nefedova.nv@ramler.ru*

TO THE QUESTION OF THE ICONIC FEATURES OF ENGLISH HUMOR

Proskurina Anna

*teacher of the chair of foreign languages, faculty of arts education,
Novosibirsk State Technical University,
Russia, Novosibirsk*

Nefedova Nadezhda

*student of the chair of foreign languages, faculty of arts education,
Novosibirsk state technical university,
Russia, Novosibirsk*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130)

АННОТАЦИЯ

В данной работе поднимается вопрос о характерных особенностях английского юмора. Отмечается, что именно посредством юмора раскрывается английская культура и подлинный менталитет англичан. Авторы приводят в качестве ярких примеров английского юмора некоторые цитаты из произведений С. Фрая «Гиппопотам»

(«Hippopotamus») и П.Г. Вудхауза «Так держать, Дживс!» («Carry on, Jeeves»).

ABSTRACT

The current article deals with the question of the iconic features of English humor. It is noted in the article that the English culture and mentality of Englishmen can be exposed by means of humor. The authors exemplified the narrative with some quotes from the works of S. Fry and P.G. Wodehouse which depict humorous situations.

Ключевые слова: английский юмор; ироничность; национальный колорит.

Keywords: English humor; derisiveness; iconic features.

Туманный английский юмор не всегда понятен обитателям континента, тогда как в Англии он поистине считается достоянием нации. О тонком английском юморе слагают легенды, при этом нередко высмеивая его за нотки снобизма и вычурности. Национальный юмор представляет собой метод самовыражения творческой личности, на основе которого создаются произведения комических жанров. Отмечая комичность, присущую любому национальному колориту, стоит иметь в виду, что понятие комического делится на две составляющие: сатира и юмор. Для сатиры характерно разоблачение человеческих пороков, унижение отрицательного явления, показ его в нелепом, уродливом свете. Юмор же направлен на познание мира путем заострения жизненных несообразностей, его оценивание и постижение скрытого в нем комичного. Задача юмора — создать эффект и внушить адресату новый взгляд на привычные вещи. Юмор представляет собой весьма многогранное явление, связанное с психическими, социальными и культурными аспектами бытия. Юмор — это общечеловеческое явление, которому, безусловно, свойственен национальный колорит. Говоря же о национальном колорите англичан, нужно отметить, что их юмор в мире принято считать тонким и аристократичным. Однако одной из весомых причин непонимания истинного английского юмора является элементарная нехватка знаний в области грамматики, а также лексики, поскольку англичанам присуще обыгрывание шуток с применением гиперболизации, игры слов, повторения, намека, парадокса и даже нелепости.

В процессе изучения английского языка важно уделять внимание тонким английским шуткам, поскольку именно посредством юмора раскрывается английская культура и подлинный менталитет англичан. Изучение особенностей британского юмора важно также и потому, что

английский язык уже давно играет важную роль в международном общении и его нормы, закодированные в англоязычной картине мира, активно внедряются в коллективное сознание всех носителей английского языка как иностранного. Это помогает глубже проникнуть в сущность чужой культуры на фоне лучшего осознания особенностей культуры собственной. Так, к особым национальным чертам англичан часто относят чопорность и сдержанность на эмоции и проявления чувств, но нельзя не упомянуть и про их особое тонкое чувство юмора.

В отношении к себе, к своей родине, как и ко всему миру, англичанам свойственна ироничность, смеяться над собой и над другими для них совершенно естественно. Это свойство англичан культивировалось веками, считаясь важнейшим достоинством человека [1, с. 56]. Ирония, по представлению англичан, является главным ингредиентом настоящего английского юмора (см.: [9]). Для жителей туманного Альбиона не существует табу на темы для шуток, поскольку они не чураются высмеять даже то, что испокон веков считалось священным: правительство и королевскую семью. Об этом особом даре нации свидетельствует объемный багаж юмористических литературных произведений, начиная с Джеффри Чосера и его «Кентерберийских рассказов», созданного Беджамином Джонсом жанра бытовой комедии, комических героев, ситуаций в пьесах Шекспира, политической сатиры Джонотана Свифта в произведении «Путешествие Гулливера», Льюиса Кэррола, Гилберт Кит Честертон, Джерома Клапка Джерома и особого юмора в пьесах Бернарда Шоу и Оскара Уальда и заканчивая сегодняшним днем — Стивеном Фраем, Дугласом Адамсом и Томом Шарпом (см. более подробно: [3]).

Юмор необходимо рассматривать как призму, сквозь которую писатели, и не только англоговорящие, смотрят на мир в целом и на какие-либо отдельные явления, привлекающие их внимание. В качестве ярких примеров английского юмора приведем некоторые цитаты из произведений С. Фрая «Гиппопотам» (“Hippopotamus”) и П.Г. Вудхауза «Так держать, Дживс!» (“Carry on, Jeeves”). Стоит отметить, что Стивен Фрай на сегодняшний день является одним из национальных сокровищ Британии, обладателем идеального произношения и мастером слова. Пелэм Грэнвил Вудхауз же является знаменитым писателем XX века, известным большим количеством юмористических рассказов, за все время своей творческой карьеры он написал 96 книг.

Как говорил в одном из интервью Стивен Фрай, основной типаж комедийный британских героев — это неудачники, которые пытаются изменить свою жизнь к лучшему, ну, или, по крайней мере, просто

выжить. Подобных героев можно встретить как в выше обозначенном произведении П.Г. Вудхауза, где Берти Вустер, главный персонаж, впутываясь в новые авантюры, не смог бы справиться без умного совета своего слуги Дживса, так и у С. Фрая, где главный герой, поэт Тед уволен из газеты по причине своего скандального поведения и проблем с алкоголем. Для описания комичных ситуаций и С. Фрай, и П.Г. Вудхауз применяют следующие ключевые юмористические приемы.

Так, в произведении «Так держать, Дживс» (“Carry on, Jeeves”), П.Г. Вудхауз применяет *игру слов*. Игра слов представляет собой создание комического эффекта за счёт смыслового различия основных структурных единиц языка. Подобный прием также называют «шарады», которые часто встречаются в диалогах Берти и его слуги Дживса. Речь героя Дживса, которая состоит из сложных предложений, насыщена терминологической и книжной лексикой, звучащей смешно и искусственно в обыденной жизни. Особенно контрастно она звучит в сравнении с лексиконом Берти, который славится скудным интеллектуальным багажом. Отметим, что Берти часто не может вспомнить слово или выражение, а дает только «осколок», по которому Дживс восстанавливает искомое слово: “Who was that lad they used to try to make me read at Oxford? Ship-Shop-Schopenhauer” [2, с. 209] («Как звали того типа, книги которого меня заставляли изучать в Оксфорде? Шип... Шоп... Шопенгауер» [10]).

Стоит отметить, что структуре английского языка присуще эволюционное преимущество+аллитерационная рифма. Данная рифма английского стихосложения влияет на способ припоминания в английской культуре. Английский тип стихосложения может служить фактором, который повлиял на принцип воспоминания, поскольку слова рифмуются по начальной букве (см. более подробно: [5]).

Английский писатель Вудхауз применяет также *гиперболизацию* (самая типичная сцена воссоединения влюбленных под пером Вудхауза приобретает преувеличение до комично большого значения): “We had come back within view of the cottage, and there in front of it stood six children, a nurse, two loafers, another nurse, and the fellow from the grocer’s. They were all staring. Down the road came galloping five more children, a dog, three men and a boy, all about to stare” [2, с. 202] («За разговором мы незаметно подошли к нашему коттеджу, у которого столпились шестеро детей, няня, двое любопытных, ещё одна няня и мальчишка из бакалейной лавки. Они глядели на веранду, не отрываясь. К месту происшествия, не желая лишиться привлекательного зрелища, неслись ещё пятеро детей, собака, трое мужчин

и подросток» [9]); и *повторение*: “It then remained me to find Ocean Rest. And eventually, after visiting Ocean View, Ocean Prospect, Ocean Breeze, Ocean Cottage, Ocean Bungalow, Ocean Nook and Ocean Homestead, I trailed it down” [2, с. 189] («Теперь мне осталось только найти «Отдых у океана». И, пройдя «Вид на океан», «Панораму океана», «Океанский бриз», «Коттедж у океана», «Бунгало рядом с океаном», «Приют на океане» и «Океанскую усадьбу», я, наконец, добрался до цели» [7]).

Согласно О.К. Ильиной, «гиперболизация — создание комического эффекта на основе усиления смысла»; «повторение — приём создания комического эффекта путём повторения слов или высказываний» [4, с. 5].

Анализируя роман Стивена Фрая «Гиппопотам» (“Hippopotamus”), выделяем следующие юмористические приемы: *парадокс* (“Sounds a reasonable idea. Probably more appropriate than a restaurant, say, or a football stadium” [10, с. 366] — «Здравая, как мне представляется, мысль. Все лучше, чем везти ее в ресторан или, скажем, на футбол» [6, с. 244]) и *нелепость* (“Given our respective weights, it would probably be fairer if the horse got on me back and road me” [10, с. 426] — «При нашем весовом соотношении, — ответил я, — будет возможно, честнее позволить лошади взгромоздиться мне на спину и прокатиться немного» [6, с. 321]).

О.К. Ильина дает следующие определения вышеприведенных понятий: «парадокс — неожиданность, неадекватная реакция на высказывание»; «нелепость, которая кроется в ситуации, противоречащей здравому смыслу и жизненному опыту» [4, с. 4].

Итак, С. Фрай и П.Г. Вудхауз в своих работах в полной мере отражают спектр английского юмора: от безобидной иронии да колкого сарказма и самоиронии, ведь главная особенность такого юмора — высмеивание собственных и чужих ошибок. Произведения этих выдающихся писателей знакомят читателя с тонкостями особого английского юмора. В одном случае, это классический юмор джентльмена XX века, в другом случае, это современный цинизм и доведённый до абсурда сарказм. Самое, на наш взгляд, главное, что объединяет этих двух писателей, — это искусное владение своим родным языком.

Подводя итог, отметим, что для понимания тонкого, едва уловимого (для иностранца) смысла английских шуток, важно изучение исторических и культурных особенностей англичан, наравне с изучением лексического и грамматического аспектов языка. Английская художественная литература выступает проводником в мир

исторических, культурных и даже политических черт жизни англичан, а подкрепленная юмором, предстает отражением национального колорита жителей туманного Альбиона.

Список литературы:

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). М.: Просвещение, 2003 г. — 347 с.
2. Вудхауз Пелем Гринвилл (Pelham Grenville Wodehouse) Так держать, Дживз (Carry on, Jeeves). На англ. яз. М.: Юпитер-Интер 2009. — 252 с.
3. Нефедова Н.В. Особенности британского юмора (на материале произведений П.Г. Вудхауза и С. Фрая) //Наука. Технологии. Инновации// Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых в 11 ч. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. Часть 9, том 3. — 256 с.
4. Ильина О.К. Особенности английской шутки / О.К. Ильина // Россия и Запад: Диалог культур. Сборник статей XIII международной конференции 26—28 ноября 2009 года. Выпуск 15. Ч. 1. М., 2010. — С. 154—162.
5. Проскурин С.Г., Проскурина А.В. Жанр тулы в аспекте передачи информации (на материале рукописей "Англосаксонской хроники" и древнеанглийской поэмы "Видсид") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 7-2. — С. 164—167. — ISSN 1997-2911.
6. Фрай Стивен Гиппопотам. М.: Фантом-Пресс 2003. — 448 с.
7. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.e-reading.me/chapter.php/12552/44/Vudhauz_13_Vpered%2C_Dzhivz%21.html (последняя дата обращения: 23.09.2014 г.).
8. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.e-reading.me/chapter.php/12552/50/Vudhauz_13_Vpered%2C_Dzhivz%21.html (последняя дата обращения: 23.09.2014 г.).
9. Fox Kate Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder. — 424 pp.
10. Stephen Fry The Hippopotamus. London: Arrow, 2004. — P. 400.

2.3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛЕКСЕМА "OBLIVION": РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ В ПРАВОВЫХ ТЕКСТАХ КАНАДЫ

Нудельман Мария Александровна

*канд. филол. наук,
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Тамбовского филиала
Мичуринского государственного аграрного университета,
РФ, г. Тамбов
E-mail: mrsmarianudelman@gmail.com*

THE LEXEME "OBLIVION": SEMANTIC DEVELOPMENT IN CANADIAN LEGAL TEXTS

Maria Nudelman

*candidate of philological sciences,
associate professor of General Educational Studies department
of Tambov branch of Michurinsk State Agrarian University,
Russia, Tambov*

АННОТАЦИЯ

Использование семантико-систематизирующего метода позволило установить, что одной из лексем, способных выражать концептуальную доминанту «освобождение от наказания» в правовой языковой картине мира в канадском варианте английского языка, является лексема “oblivion”. Статья посвящена рассмотрению развития ее семантики в диахроническом аспекте путём разделения правовых текстов Канады по времени их возникновения на два периода: XVIII—XIX века и XX—XXI века соответственно.

ABSTRACT

The usage of semantic and systematizing method let us ascertain that one of the lexemes which are able to express the conceptual dominant “remission from punishment” in the legal language world image of Canadian

English is the lexeme “oblivion”. The article deals with the semantic development of the lexeme “oblivion” in the diachronic aspect. The research is carried out by the division of Canadian legal texts into two periods, such as the 18th—19th centuries and the 20th—21st centuries respectively.

Ключевые слова: правовой текст; лексема; семантика; концептуальная доминанта; освобождение от наказания.

Keywords: legal text; lexeme; semantics; conceptual dominant; oblivion.

Исследование концептуальной доминанты «освобождение от наказания» в канадском варианте английского языка с использованием семантико-систематизирующего метода показало, что одной из лексем, способных своей семантикой репрезентировать изучаемую доминанту в правовой языковой картине мира, является лексема “oblivion”.

Слово “oblivion” возникло в английском языке в конце XIV века и обладало значением «состояние или факт забывания», куда оно пришло из старофранцузского языка в виде лексемы “oblivion” или же, что наиболее вероятно, прямо из латинского “oblivionem” в значении «забывчивость, утрата воспоминаний». Данное значение отмечается уже в начале XV века, происходит, предположительно, от “oblivisci” в значении «забывать», изначально «стирать, смягчать, изглаживать». Образовано от приставки “over” и корня “levis” в значении «гладкий», «вязкий, скользкий» [9].

Обратимся к рассмотрению примеров функционирования лексемы “oblivion” в правовых текстах Канады XVIII—XIX веков. Она эксплицируется в виде следующих словарных значений:

- состояние или факт забывания;

*And whereas the said War is now at an End, and it is expedient for the Public Welfare of this Province, that all remembrance of the Causes thereof, should as speedily as possible be buried in **Oblivion**, and in full Hopes, that all his Majesty’s Subjects at this Province, who have made themselves liable to the Pains and Penalties aforesaid, may by this Act of Grace be induced in future, more carefully to observe the Laws, and to live in dutiful and loyal Obedience to his Majesty* [10].

- забывчивость, утрата воспоминаний;

*But an **oblivion** of all past jealousies and dissentions is the first great step towards improvement of any kind; and, when that is happily accomplished, and the undivided attention of the Executive Government, and the Legislature, shall be given to the advancement of the general*

interests of the Province, in a spirit of cordial co-operation, there is no reason to doubt that Lower-Canada will rapidly advance in prosperity, and emulate, ere long, the most opulent and flourishing portions of the north American continent [3].

- ситуация, при которой кто-либо или что-либо полностью забыто;

*The dose was repeated two years ago, and I say that hon. gentleman ought to be ashamed to repeat those expressions with reference to a gentleman who is entitled to the respect and esteem of every man on this constituent. That hon. gentleman declared in this House the other day, that the expenditure had increased during six years to the extent of \$ 10,000,000. Sir, that assertion was well met by the hon. gentleman who followed him. But I want to send out to the public, side by side with that speech of the hon. gentleman, a speech he delivered a few years ago, which will show what kind of a man we have to deal with. It is true the people thought they had sent him to **oblivion** a few years ago, but by the grace of Mr. McMillan he sits here again. Now, Sir, if he has any shame at all, I will give him an opportunity of showing it [5].*

- официальное прощение правонарушения, амнистия.

*On the motion of Mr. Neilson, seconded by Mr. Christie. Resolved — That this House will, on Friday next, resolve itself into a Committee of the whole House, to consider the expediency of addressing His Excellency, the Governor General, as representing the Crown in this Province, praying that the Royal prerogative may be exercised to the effect of granting a free pardon, indemnity and **oblivion**, of all crimes, offences, and misdemeanors, connected with the political disturbances which so unhappily have prevailed in the late Provinces of Upper and Lower Canada [2].*

В современных правовых текстах Канады присутствуют такие значения лексемы “oblivion”, раскрывающие изучаемую концептуальную доминанту, как:

- состояние или факт забывания;

She was so startled, she says, that she turned over a curb. It is patently obvious this woman was not driving with appropriate due care and attention. It apparently did not even register with her that she had nearly run over a police constable, nor did it even occur to her to look back and see what the consequence of her ‘near miss’ entailed. Incredibly, it did not dawn on her to stop to see if the man was all right. Her oblivion to speed limits and to three colours of flashing lights immediately behind her for almost ½ km., demonstrates her complete inattention and total detachment from the normal awareness one should have when driving a motor vehicle. As she testified how normally aware she is of things around her, and as to

how her attention is constantly diverted to things other people might not notice, her driving behaviour on the night in question is a marked departure from the norm and is undoubtedly attributable to her level of alcohol impairment [6].

- забывчивость, утрата воспоминаний;

However, Mr. Ferro appears to view the court's timelines, its rules and its orders as mere clutter to be ignored and avoided. Those obligations and expectations appear to be mere irritants which he chooses to ignore. As a result, Mr. Ferro's clients are liable to become victims of their choice of advocate. Recent cases cited in these reasons would appear to show that Mr. Ferro regularly fails to shepherd actions to a timely conclusion in a professional manner. Instead he offers his client oblivion and neglect, re-victimizing plaintiffs in a way that no court should be seen to condone or disregard [11].

- ситуация, при которой кто-либо или что-либо полностью забыто;

The 1857 Act became part of the law of Manitoba on July 15, 1870 and its legislature adopted by enacting the Married Women's Property legislation, see Matrimonial Property Law in Canada, Bissett-Johnson-Holland, Vol. 1, M-3; as did the legislature in British Columbia op. cit Vol. 1, BC-3. In British Columbia that legislation was repealed by the Charter of Rights Amendment Act 1985, c. 68, s. 84: the current equalization legislation is s. 65 of the Law and Equity Act. Of course with the enactment of the equalization legislation commenced by the Married Women's Property Act the need for ss. 9 and 10 of the Divorce and Matrimonial Causes Act 1960 passed into history and oblivion [8].

- состояние, в котором вы не замечаете того, что происходит вокруг вас;

Mr. Pearson indicated that at that time he began "self medicating" by using alcohol. He began drinking every day and drinking himself "into oblivion". The situation began to spiral out of control as things got worse. Mr. Pearson's grandchild was born to his son's young girlfriend. The baby was given up for adoption. Mr. Pearson is still very clearly affected by that [7].

- официальное прощение правонарушения, амнистия.

No line-up, photo or otherwise for Robbie, no charge, no dramatic readings of the Canine Charter of Rights and Freedoms, no plea, no trial, no application of the ancient and historic presumption of innocence, no appeal to the majesty of the Court of Appeal: guilt or innocence undetermined, Robbie faced the ignominy of almost immediate oblivion [4].

К контекстуальному значению лексемы “oblivion”, присутствие которого отмечается в современных канадских правовых текстах, мы бы отнесли такое значение, как:

- финансовая яма;

It is now understood by this Court, that the Husband's actions were solely to plummet the Wife and children to financial oblivion, and to deprive her of access to legal counsel. Ms. Armoian has accumulated staggering legal accounts, responding to Mr. Armoian's initiatives, while Mr. Armoian has defaulted in his court-ordered reimbursement of her costs after his initiatives were rejected. Meanwhile, the stays and delays that accompanied his Florida initiatives have well served Mr. Armoian, who has used the time to avoid support payments, convey assets to relatives and move tens of millions of dollars from Nova Scotia to the Middle East [1].

Как показывают приведённые выше примеры, концептуальная доминанта «освобождение от наказания» в правовых текстах Канады XVIII—XIX веков может быть выражена посредством таких устойчивых словарных значений лексемы “oblivion”, как: «состояние или факт забывания»; «забывчивость, утрата воспоминаний»; «ситуация, при которой кто-либо или что-либо полностью забыто»; «официальное прощение правонарушения, амнистия».

Следует также отметить, что в современных канадских правовых текстах наряду с этими значениями мы встречаем и значение «состояние, в котором вы не замечаете того, что происходит вокруг вас». Данная семантика нашла своё отражение в словаре. В современных текстах Канады упомянутой стилистической направленности присутствует и контекстуальное значение «финансовая яма».

Итак, исследуемая концептуальная доминанта «освобождение от наказания», выражаемая значениями, обозначенными выше, эксплицитно представлена в значении «официальное прощение правонарушения, амнистия». Остальные значения раскрывают доминанту имплицитно, так как именно окружающий контекст указывает на репрезентацию этой концептуальной доминанты.

Список литературы:

1. Armoian v. Armoian, 2013 NSCA 136 (CanLII), <<http://canlii.ca/t/g22ws>> [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.canlii.org/en/ns/nsca/doc/2013/2013nsca136/2013nsca136.html?searchUrlHash=AAAAAQAlb2JsaXZpb24AAAAAAQ> (дата обращения: 02.03.2015).

2. Journals of the Legislative Assembly of the Province of Canada from the 14th day of June to the 18th day of September, in the year of Our Lord 1841 and in the 4th & 5th years of the reign of... Queen Victoria: being the first session of the first Provincial Parliament of Canada Kingston: Desbarats & Cary, 1842; p. 304 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://eco.canadiana.ca/view/oocihm.9_00952_1/318?r=0&s=1 (дата обращения: 14.03.2015).
3. Journals of the Legislative Council of the province of Lower Canada ... : [Journals of the Legislative Council of the province of Lower Canada, being the second session of the thirteenth provincial Parliament Quebec J. Neilson, 1829; p. 18 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://eco.canadiana.ca/view/oocihm.9_00943_39/19?r=0&s=1 (дата обращения: 14.03.2015).
4. Кууперс v. Ланглей, 1992 CanLII 693 (BC SC), <<http://canlii.ca/t/1dfch>> [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.canlii.org/en/bc/bcsc/doc/1992/1992canlii693/1992canlii693.html?searchUriHash=AAAAQA1b2JsaXZpb24AAAAAAQ> (дата обращения: 02.03.2015).
5. Official report of the debates of the House of Commons of the Dominion of Canada: second session, fifth Parliament ... comprising the period from the seventeenth day of January to the eleventh day of March, 1884. Ottawa: MacLean, Roger, 1884; p. 366 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://eco.canadiana.ca/view/oocihm.9_07186_2_1/372?r=0&s=1 (дата обращения: 14.03.2015).
6. R.v. Liebreich, 2001 ABPC 41 (CanLII), <<http://canlii.ca/t/5qs4>> [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.canlii.org/en/ab/abpc/doc/2001/2001abpc41/2001abpc41.html?searchUriHash=AAAAQA1b2JsaXZpb24AAAAAAQ> (дата обращения: 02.03.2015).
7. R.v. Pearson, 2010 NSPC 14 (CanLII), <<http://canlii.ca/t/285q5>> [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.canlii.org/en/ns/nspc/doc/2010/2010nspc14/2010nspc14.html?searchUriHash=AAAAQA1b2JsaXZpb24AAAAAAQ> (дата обращения: 02.03.2015).
8. Tatlock v. Tatlock, 1992 CanLII 213 (BC SC), <<http://canlii.ca/t/1dffq>> [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.canlii.org/en/bc/bcsc/doc/1992/1992canlii213/1992canlii213.html?searchUriHash=AAAAQA1b2JsaXZpb24AAAAAAQ> (дата обращения: 02.03.2015).
9. The Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=oblivion&searchmode=none (дата обращения: 14.03.2015).

10. The perpetual acts of Nova Scotia: being the sixteenth session of the fifth General Assembly convened in the said province [Halifax, N.S. Anthony Henry, 1783]; p. 238 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://eco.canadiana.ca/view/oocihm.9_01306_20/9?r=0&s=1 (дата обращения: 14.03.2015).
11. Thomas v. McLelland, 2012 ONSC 6533 (CanLII), <<http://canlii.ca/t/fv6nr>> [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.canlii.org/en/on/onsc/doc/2012/2012onsc6533/2012onsc6533.html?searchUrlHash=AAA-AAQA1b2JsaXZpb24AAAAAAQ> (дата обращения: 02.03.2015).

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Нургалина Халида Бариевна

*канд. филол. наук, доцент Сибайского института,
РФ, г. Сибай
E-mail: halidanurgalina@mail.ru*

EXPRESSIVITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Khalida Nurgalina

*candidate of philological sciences, associate professor of Sibai Institute,
Russia, Sibai*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается эмоционально-экспрессивная окрашенность фразеологических единиц. Фразеологизмы могут квалифицироваться со стороны экспрессивности, т. е. выразительности. Автор обосновывает положение о том, что фразеологизмы, имеющие повышенную эмоционально-стилистическую окраску официальности, торжественности, поэтичности, употребляются преимущественно в книжной речи.

ABSTRACT

The article deals with the emotional and expressive coloration of phraseological units. They can be qualified by the expressiveness. The author emphasizes that idioms with increased emotional and stylistic coloring of formality, solemnity, poetry are used mainly in the bookish style.

Ключевые слова: фразеологизм; экспрессивность; стилистическая характеристика; средство.

Keywords: phraseological unit; expressiveness; stylistic characteristics; means.

Определение стилистических функций фразеологизмов дает возможность глубже раскрывать специфику творческого метода автора, познавать его искусство в привлечении и использовании красочных средств языка для создания ярких образов и картин. Не менее интересно и ценно изучение фразеологического новаторства самого писателя, создавшего удачные образные выражения, часть которых затем приобретает характер крылатых [1, с. 98].

При стилистической характеристике фразеологических единиц учитывается наличие у фразеологизмов эмоционально-экспрессивной окрашенности и оценочного значения, расслоение фразеологизмов по степени их стилистической высоты и сниженности, актуальность употребления фразеологизма в современном литературном языке [4, с. 133].

В английском и немецком языках фразеологизмы могут квалифицироваться со стороны экспрессивности, т.е. выразительности, которая предполагает отношение говорящего к объекту или процессу, характеризваемому тем или иным фразеологизмом. Отношение может проявляться в одобрительности или неодобрительности, может быть ироническим, шутовым, презрительным, пренебрежительным, уничижительным и т. д.

Одобрительное: англ. *smart as paint* — ‘очень умный’; нем. *sein Handwerk verstehen* — ‘быть мастером своего дела’, ‘знать свое дело’. Неодобрительное: англ. *cold as a fish* — ‘бесчувственный’; нем. *eine krumme Tour* — ‘темная махинация’. Шутовое отношение: англ. *as fit as a flea* — ‘скачет как блоха’, ‘здоров и бодр’; нем. *Katzenwäsche machen* — ‘умыться на скорую руку’. Уничижительное, пренебрежительное: англ. *be fed to the teeth* — ‘осточертеть, сыт по горло’; нем. *wie Flöhe husten hören* — ‘все видеть и слышать’; букв. ‘слышать как блохи кашляют’. Ироническое: англ. *yours truly* — ‘ваш покорный слуга’. Грубое: англ. *care a button* — ‘наплевать, ни в грош не ставить’; нем. *am Abkratzen sein* — ‘подыхать, издыхать’; *ein junger Hund* — ‘щенок’ (молодой, малоопытный человек).

Экспрессивность трактуется в лингвистической литературе неодинаково. Наиболее приемлемым является понимание экспрессивности как выразительности, непосредственно связанной со смысловым содержанием. Экспрессивные средства усиливают активное значение языковых единиц, их воздействующую роль в языке [3, с. 198].

Определенный разряд фразеологизмов заведомо способен выявить то или иное оценочное отношение говорящего к характеризуемому объекту [5, с. 127]. Фразеологизмы англ. *an old hand* — нем. *mit allen Hunden gehetzt sein* — ‘тертый калач’; англ. *an old bird* — нем. *ein alter Hase* — ‘стреляный воробей’ обычно характеризуют большую житейскую опытность, но вместе с тем показывают и ироническое отношение к обладателю этого качества, что и не позволяет воспользоваться ими для тех ситуаций, когда подобного отношения нет. Выражение англ. *a clear head* — нем. *ein heller (offener, klarer) Kopf* — ‘светлая голова’ характеризует умного человека и вместе с тем насмешливое к нему отношение. Выражения англ. *the king of the castle* — ‘король в замке, самая важная персона’; *old girl* — ‘старушка’; нем. *ein wandelndes Lexikon* — ‘ходячий университет’, *ein weißer Rabe* — ‘белая ворона’ выявляют положительно-одобрительное отношение к носителям названных качеств; а с другой стороны, неодобрительное или презрительное отношение свойственно фразеологизмам: англ. *big mouth* — ‘хвастун’, *a shrinking violet* — ‘божья коровка’; нем. *ein unbeschriebenes Blatt* — ‘неопытный, наивный человек’, *ein sauberer Herr* — ‘хорош гусь, нечего сказать’ и др.

Экспрессия торжественности соединена с фразеологизмами: англ. *a man of letters* — ‘писатель’, *swan song* — ‘лебединая песня’; нем. *ein scheues Reh* (букв. ‘робкая козуля’) — робкая девушка и т. п.

Таким образом, эмоциональность речи нередко передается особо выразительной экспрессивной фразеологической единицей. Экспрессия фразеологизмов нередко наслаивается на его эмоционально-оценочное значение, причем у одних преобладает экспрессия, у других — эмоциональность [2, с. 69]. Поэтому часто разграничивать эмоциональную и экспрессивную окраску не представляется возможным, и тогда речь идет об эмоционально-экспрессивной фразеологической единице.

Список литературы:

1. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996. — 256 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1996. — 187 с.
3. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. — 214 с.
4. Нургалина Х.Б. Фразеологические единицы высокого стилистического тона // Филологические науки. Тамбов, 2014. — С. 132—135.
5. Нургалина Х.Б. Стилистическая соотнесенность фразеологических единиц // Приволжский научный вестник. — 2014. — № 2. Ижевск, 2014. — С. 127—128.

2.4. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО КУРСА В СИСТЕМЕ MOODLE

Горбачева Светлана Андреевна

*старший преподаватель кафедры искусствоведения,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: clicksv@gmail.com*

PRACTICAL APPLICATION OF THE MODERN INFORMATIONAL TECHNOLOGIES IN TEACHING THE CHINESE LANGUAGE BY THE EXAMPLE OF THE ORIGINAL ONLINE COURSE IN MOODLE SYSTEM

Gorbacheva Svetlana

*senior Teacher of Art History Department,
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Russia, Saint-Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В последние годы специалисты, профессионально владеющие китайским языком, стали очень востребованы в нашей стране, это обусловлено значительным расширением экономических связей с Китаем. В условиях стремительного развития информационных технологий система преподавания китайского языка также претерпевает изменения. Статья посвящена особенностям практического использования цифровых образовательных ресурсов в совокупности с традиционной формой обучения на примере разработанного автором

интерактивного курса «Иностранный язык в международном деловом общении» (китайский язык) в системе Moodle.

ABSTRACT

In recent years the experts with professional knowledge of the Chinese language have become very popular in our country due to a significant expansion of economic ties with China. With the rapid development of information technologies the process of teaching Chinese language is also changing. This article is focused on the practical use of computer educational resources in conjunction with the traditional form of learning language using the example of the author's interactive course "Foreign Language in international business communication" (Chinese) in the Moodle system.

Ключевые слова: китайский язык; Moodle; интерактивный курс.

Keywords: chinese language; Moodle; online course.

В условиях активного развития отношений России и Китая проблема подготовки квалифицированных специалистов, владеющих китайским языком и умеющих практически применять его в общении с носителями в процессе осуществления профессиональной деятельности, является как никогда актуальной. Но исследований по методологии обучения китайскому языку в России очень мало, поэтому наблюдается отставание от стремительного развития системы преподавания иностранным языкам как науки и от современных приемов практического овладения языком [5]. Использование новейших информационных технологий при конструировании современной образовательной среды для изучения китайского языка играет важную роль при комплексном обучении всем аспектам китайского языка: фонетика, грамматика, лексика и иероглифика, а потому представляется одним из важнейших средств для практического овладения китайским языком. В то же время применение подобных новых методов и принципов преподавания при проектировании научно-методической работы в системе обучения ведет к повышению качества управления образовательной средой, обеспечивает гибкость образовательного процесса, совершенствует способности к саморазвитию личности и способствует развитию индивидуализации в организации учебной деятельности студента в зависимости от личных возможностей и потребностей.

Данная статья посвящена особенностям применения на практике совокупности традиционных форм обучения и инновационных компьютерных технологий в образовательном процессе, направленных на повышение качества образования и отвечающих современным

требованиям в условиях формирования информационного сообщества. Позитивный опыт использования дополнительных цифровых образовательных ресурсов в организации инновационной деятельности в преподавании китайского языка как иностранного рассматривается на примере разработанного автором интерактивного курса «Иностранный язык в международном деловом общении» (китайский язык) на базе учебного пособия Гуань Даосюн «Базовый практический курс делового китайского языка» [7] в виртуальной учебной среде Moodle.

Применение виртуальной учебной среды в образовательном процессе подразумевает в большей степени дистанционное обучение, поэтому при практическом обучении иностранному языку выполняет вспомогательную функцию. Интерактивный курс «Иностранный язык в международном деловом общении» был разработан как приложение к учебнику Гуань Даосюн «Базовый практический курс делового китайского языка» и не может быть использован обособленно от него. Задания, представленные в курсе, призваны тренировать такие аспекты речевой деятельности для обучения иностранному языку, как чтение, письмо и аудирование. Программа курса ориентирована на самостоятельную индивидуальную подготовку, в которой исключен важнейший аспект изучения языка — говорение, что является одной из главных причин рассматривать данный курс как вспомогательный инструмент овладения китайским языком, так как все перечисленные элементы речевой деятельности только в комплексе могут привести к повышению общего уровня практического овладения языком. Программа курса направлена на развитие навыков перевода, аудирования, лексико-грамматических навыков, а также на расширение лексического запаса для формирования адекватной реакции на соответствующие вербальные и невербальные ситуации в профессиональной сфере. Конечной целью курса ставится возможность практического использования китайского языка в качестве основного инструмента общения при ведении торгово-экономической деятельности в соответствующей области.

В курсе представлено десять уроков, которые тематически соответствуют содержанию учебника и программе дисциплины. Каждый урок состоит из различных упражнений, направленных на повышение качества усвоения дисциплины. Интерактивный курс «Иностранный язык в международном деловом общении» включает в себя задания, связанные с переводом с китайского на русский язык и обратно текстов торгово-экономической направленности, ориентированные на закрепление пройденной лексики по теме, развитие лексико-

грамматических навыков, а также на расширение лексического запаса профессиональной тематики дисциплины «Иностранный язык в международном деловом общении», тесты по пройденному материалу диалогов и текстов, новые тексты, ориентированные на формирование навыков чтения, перевода и репродукции текстов делового письма как аспекта функционального стиля делового общения. Например (рисунок 1.), 第四课。日程安排 Урок 4 «Составление рабочего расписания» объединяет в себе следующие задания: 根据对话的内容选择正确的答案 тесты по диалогу и тексту из учебника 讨论日程安排、修改日程安排 «Обсуждение и исправление рабочего расписания» и 吃得好、玩儿得好、生意做得好 «Ужин, отдых и удачное завершение сделки» с вопросами двух типов: «множественный выбор» и «верно/неверно», направленные на проверку понимания содержания текста из учебника и закрепление новой лексики; 语法练习一、二 задания на развитие и закрепление лексико-грамматических навыков, суть упражнений заключается в составлении студентами своих предложений по данным грамматическим конструкциям с использованием ранее пройденной и новой лексики урока учебника по торгово-экономической тематике; 录音。到中国做生意 «Приезд в Китай с целью ведения бизнеса» аудиозапись, дополнительно подобранная автором по теме урока и задание к ней — тест 听录音, 根据课文内容辨别对错, данное задание ориентировано на развитие навыков аудирования, устного перевода и расширение лексического запаса слов у студентов; 第四课。语法 (一、二) — упражнения на формирование и развитие навыков перевода в профессиональной сфере. На выполнение заданий студентам дается одна попытка, время не ограничивается, оценка за тесты выставляется автоматически, другие упражнения преподаватель проверяет и оценивает сам. Остальные уроки курса в целом сделаны по такому же принципу с незначительными изменениями в заданиях в зависимости от темы. В конце интерактивной страницы даются ссылки на основные электронные словари и другие вспомогательные ресурсы для лучшего овладения дисциплиной, а также представлен материал для подготовки к зачету. В целом курс характеризуется поэтапностью и концентрированностью подачи материала, упор сделан на автоматизацию навыков, порождающих устную и письменную речь. Материал представлен с учетом ситуативно-тематических аспектов. Подборка дополнительных текстов отличается

актуальностью и новизной содержания учебного материала и сделана с учетом национально-культурного фона, включая сведения о страноведении, психологии и национальных особенностях носителей языка [2, с. 13].

Рисунок 1. Пример созданного урока

Практическое применение этого курса призвано не только углубить знания и понимание студентами лексико-грамматического материала, но и способствует развитию умений применять свои знания на практике, а также повышает степень сформированности навыков перевода, ставя своей целью создание языковой компетенции и развитие способностей коммуникативно-речевой деятельности в профессиональной сфере. Интерактивный курс «Иностранный язык в международном деловом общении» может быть использован как в дистанционном режиме, так и непосредственно на практических занятиях, но, прежде всего, нацелен на самостоятельную работу студентов, в том числе осуществление самопроверки степени

овладения и понимания материала. Преимуществами курса являются: свободная организация учебного времени, относительная гибкость процесса обучения, исключение понятия «личных отношений» при взаимодействии преподавателя и студента, а также обеспечение широкого доступа к образовательным ресурсам.

Список литературы:

1. Актуальные вопросы методики преподавания китайского языка: Сборник методических материалов Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2010 — 36 с.
2. Демина Н.А. Методика преподавания практического китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2006. — 88 с.
3. Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку. Научное издание. М.: ИД Муравей, 2000. — 160 с.
4. Позитивный опыт и инновации в конструировании современной образовательной среды для изучения китайского языка и культуры: Сборник научно-методических статей Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2011. — 45 с.
5. Семенова Т.М. Обзор исследований в области методики преподавания китайского языка // Молодой ученый. — 2012. — № 12. — С. 510—512.
6. Фролова Л.В. Роль и место аудиовизуальных средств в обучении различным аспектам китайского языка // Электронный научный журнал: Междисциплинарные исследования в науке и образовании. Номер журнала — № 1К — 2012. Ссылка: [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://mino.esrae.ru/158-1128> (дата обращения 25.02.2015).
7. 关道雄. 基础实用商务汉语//北京大学出版社, 北京, 2010. Гуань Даосюн. Базовый практический курс делового китайского языка// Издательство Пекинского университета, Пекин, 2010. — 314 с. (кит. яз.)

ВАРВАРИЗМЫ, ПЕРЕШЕДШИЕ В НАХИЧЕВАНСКИЙ ДИАЛЕКТ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

Алиева Нурай Ядигаровна

канд. филол. наук, доцент,

Нахчыванское отделение национальной академии наук Азербайджана,

Республика Азербайджан, г. Нахчыван

E-mail: naliyeva22@mail.ru

BARBARISMS PASSED IN THE NAKHCHIVAN DIALECT FROM RUSSIAN

Aliyeva Nuray

doctor of philosophy on philology, Nakhchivan Department

of National Academy of Sciences of Azerbaijan,

Azerbaijan, Nakhchivan

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется словарный состав нахичеванского диалекта азербайджанского языка, слова, перешедшие в него из русского языка, показано, что эти слова не вошли в лексический состав языка, они используются только в говорах, в искаженной, соответствующей закономерностям данного говора форме.

ABSTRACT

The dictionary structure of the Nakhchivan dialect of the Azerbaijan language, the words which have passed into it from Russian are investigated in the paper, and it is shown that these words haven't been included into lexical structure of language, they are used only in dialects in distorted form, corresponding to the regularities of the given dialect.

Ключевые слова: азербайджанский язык; диалектология; диалекты и говоры нахичеванской группы; варваризмы.

Keywords: Azerbaijani language; dialectology; dialects and patois of Nakhchivan group; barbarisms.

Азербайджанский язык является государственным языком Азербайджанской Республики. Как и любой другой, азербайджанский язык также имеет богатый словарный запас. Хотя наш язык и принадлежит к тюркской языковой семье, с древних времен он существовал

в контакте со многими другими языками, смешивался с ними как в культурных, так и в бытовых областях.

Слова, образующие словарный состав нашего языка, по своему происхождению делятся на две части: 1) подлинные азербайджанские, тюркские слова, 2) заимствованные слова. Большая часть слов, образующих словарный состав нашего языка, — это наши, исконно тюркские слова. Эти слова также играют важную роль в создании новых слов. Но в мире нет ни одного чистого языка. В ходе своего развития каждый язык, находясь в контакте с другими языками, заимствует из них определенные слова, в то же время и сам оказывает влияние на другие языки, отдавая отдельные слова. В одних языках заимствованных слов больше, в других — меньше. Тем не менее множество заимствованных слов в языке не отрицает его независимости и не уменьшает силу его влияния. Кроме того, эволюция, происходящая в нашей жизни и быту, а также развитие науки и техники оказывают свое влияние на язык, в результате в нем появляются определенные слова, которые обогащают его словарный состав. То же самое можно сказать и о словарном составе наших диалектов и говоров. Они тоже заимствуют большое количество слов из других языков, одним из которых, пожалуй основным, является русский.

Азербайджан и Россия — соседние страны, и их долговременные взаимные отношения обусловили массовый переход русских слов, а также посредством русского языка слов из европейских языков в диалекты и говоры нашего языка, в том числе в диалекты и говоры нахичеванской группы. Тем не менее можно сказать, что большинство этих слов, не ограничившись словарным составом диалектов и говоров, вошли в словарный состав нашего литературного языка.

Иными словами, в дополнение к заимствованным словам литературного языка здесь есть слова, включенные в словарный состав населением региона, аналоги которым существуют в азербайджанском языке, к тому же эти слова используются не так, как в языке заимствования, искажены местным населением, адаптированы к фонетическим правилам нашего языка.

Нахичеванская группа диалектов и говоров распространена на территории Нахичеванской Автономной Республики, которая входит в состав Азербайджанской Республики. Нахичеванская группа диалектов принадлежит к южной группе диалектов и говоров азербайджанского языка. Здесь имеются два диалекта — нахичеванский и ордубадский, и три говора — Джульфинский, Шахбузский и Шарурский [3, с. 5].

Диалекты и говоры Нахичевани, расположенной в центре треугольника, который образован Южным и Северным Азербай-

джаном и Восточной Анатолией, являются важным источником с точки зрения изучения культурного прошлого нашего народа, истории языка и языковых связей. Нахичеванские говоры обладают большим сходством с диалектами турецкой Восточной Анатолии, и лишь небольшие нюансы отличают их от диалектов Северного и Южного Азербайджана. Авторы, отмечающие формирование нахичеванских говоров с древних времен на основе языковых особенностей тюркских родов и племен, рассматривали также историю, культуру и климатические особенности Нахичевани. Известно, что нахичеванский диалект — это один из самых богатых источников, сохранивших древние особенности азербайджанского языка. Нахичеванский диалект охватывает большую территорию и обладает яркими диалектными особенностями. Одной из таких особенностей является использование в словарном составе диалекта слов, перешедших из русского языка. Самым продуктивным периодом для перехода слов из русского языка в наш, в том числе в его диалекты и говоры, стал период установления советской власти в Азербайджане. Таким образом, русский язык был основным средством международной коммуникации в СССР, что стало основным фактором, обусловившим этот процесс. Благоприятные географические условия нашего региона с древности способствовали возникновению здесь торгового центра, и это обусловило переход слов из других языков в наш. Ситуация использования заимствованных слов в словарном составе диалектов часто не такая, как в литературном языке. Такие слова, в соответствии с внутренними законами развития языка, по сравнению с заимствованиями в литературном языке, гораздо больше подвержены изменению как по форме, так и по содержанию [5, с. 342]. Например: *uçret* < очередь, *balnisə* // *balnisa* < больница, *doxdur* < доктор, *nalox* < налог, *bravirka* < проверка, *nəçənni* < начальник, *isləbidni* < свободный, *qaravat* // *qavat* < кровать, *ləmpə* < лампа, *potulka* < бутылка, *şotqu* < щетка, *şarqa* < шапка, *isbalqom* < исполком, *mesesdra* < медсестра, *inciner* // *injiner* < инженер, *vesebet* // *velsebet* < велосипед, *lammışqa* // *lampışqa* < лампочка, *tuxofqa* < духовка.

Можно сказать, что все эти слова имеют соответствия в литературном языке. Таким образом, они заимствованы с помощью разговорного языка и используются в диалектах, то есть не переходят в литературный язык и не включаются в его лексическую систему. Такие слова в лингвистике называются варваризмами.

Следует отметить, что в Нахичеванской группе диалектов такие слова используются меньше, чем в других диалектах и говорах азербайджанского языка. Это, конечно же, обусловлено географическим положением Нахичевани, тем, что город находится

в отдалении от границы, и вследствие этого местное население реже общается с русскоязычным населением. Слова из одного языка в другой переходят в разных условиях и в разное время, по различным причинам и определенными способами [2, с. 194]. Часть таких заимствований, используемых в диалектах и говорах, вошла в наш язык еще до установления Советской власти в Азербайджане. Например: *nəşənniü* < начальник, *qubernat* < губернатор. Эти слова использовались в говорах в более искаженной форме. Это, на наш взгляд, может быть объяснено тем фактом, что население в тот период было менее грамотным. В общем, включение слов русского языка в наш началось с середины девятнадцатого века и постепенно число таких слов увеличивалось.

Другая часть заимствований, используемых в наших диалектах и говорах, вошла в лексику диалектов после установления Советской власти в Азербайджане, и эти слова, можно сказать, были связаны с организационными работами этого периода, в частности, с ликвидацией частных хозяйств в деревне, созданием колхозов и совхозов. Например: *qalxoz* < колхоз, *nalox* < налог, *traxdor* < трактор.

Есть также часть слов, которые используются в связи с повседневной жизнью и бытом, эти слова широко используются в нахичеванской группе диалектов и говоров: *uje* < уже, *varpse* < вообще, *tarelka* < тарелка, *potulka* < бутылка и другие.

Следует отметить, что словарный состав диалектов и говоров формируется в течение долгого времени, и каждый исторический период оставляет в нем свои следы. Поэтому является естественным, что в говорах одного народа можно наблюдать следы языков тех народов, с которыми у него существуют взаимоотношения, и одновременно тот язык также оказывает влияние на соседние языки и их словарный состав.

Список литературы:

1. Джафаров С. Современный азербайджанский язык. Лексика. Баку: Восток-Запад, 2007. — 191 с.
2. Курбанов А. Современный азербайджанский литературный язык. Баку: Просвещение, 1985. — 408 с.
3. Нахичеванская группа диалектов и говоров азербайджанского языка. Баку: Издательство Академии наук Азерб. ССР, 1962. — 326 с.
4. Чобанзаде Б. Избранные труды. Баку: Восток-Запад, 2007. — 336 с.
5. Ширалиев М. Основы Азербайджанской диалектологии. Баку: Восток-Запад, 2008, — 415 с.

СЕКЦИЯ 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

3.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ ИЛИ СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ В ИСКУССТВЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Баженова Анастасия Евгеньевна

*аспирант кафедры рисунка, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена,
РФ, г. Санкт-Петербург*

E-mail: nastyabagenova@gmail.com

CONFLICT OF GENERATIONS OR A CHANGE PRIORITIES IN ART ILLUSTRATION OF CHILDREN'S BOOKS

Vazhenova Anastasia

*graduate student of Drawing department,
The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу развития искусства иллюстрации детской книги в 1960—1980-х гг., с учетом влияния западноевропейского варианта постмодернизма. Рассмотрены основные причины возникновения «конфликта поколений» в отечественной художественной культуре указанного периода.

ABSTRACT

This article analyzes the development of the art illustration of children's books at 1960-1980, with the influence of Western European

version of Postmodernism. The main cause of the "clash of generations" in Russian artistic culture the period.

Ключевые слова: искусство иллюстрации; детская книга; постмодернизм; художественная культура.

Keywords: art illustration; children's book; Postmodernism; artistic culture.

Иллюстрация детской книги всегда являлась прямым отражением явлений, происходивших в других видах пластических искусств, в литературном пространстве и социальной сфере своей эпохи. Смена приоритетов в отечественной художественной культуре в 1960-х—1980-х гг. оказала значительное влияние на развитие искусства иллюстрации и обусловила неоднозначный по своим итогам процесс смены и (или) совмещения поколений иллюстраторов.

В чём заключается суть конфликта поколений, вечных разногласий и споров между старшими и младшими? Полагаем, если речь идет о сфере пластических искусств, в активном расширении художественного пространства и поиске новых изобразительных средств учениками, заметим, не всегда обоснованными, которые подвергают сомнению «классические» традиции учителей, не желающих или не готовых мириться с изменившимся порядком вещей. Между тем, на пути преодоления догм и патриархального уклада, случаются не только ценные находки — в инвариантности стилей, техник иллюстрирования, стилизации элементов, интерпретации образов литературных персонажей, но и досадные утраты. Таковыми можно считать, потерю самобытности отечественных художественных школ книжной иллюстрации (московская школа Б.А. Дехтерёва и ленинградская школа В.В. Лебедева, и др.), а также преемственности в профессиональной подготовке новых поколений иллюстраторов.

В конце 1950-х гг. изменения в социокультурной и политической сферах определили иной вектор и задали новый темп развития всем видам искусств. В истории нашей страны указанный период был охарактеризован как «оттепель». Расширение культурных связей, международное сотрудничество в разных областях знаний и деятельности, формировали не только новые прогрессивные представления об окружающем мире, но и новые стереотипы, многие из которых бытуют и по сию пору, несмотря на падение старых политических режимов и смену господствующих парадигм.

На рубеже 1950—1960-х гг. шедевры мирового искусства, опыт зарубежной науки, иностранная литература в ее переводах стали доступными и для советских граждан. Сообразно общему культурному уровню растет и уровень предъявляемых к произведениям искусства требований, меняются критерии их оценки, понимание образов, трактовки устоявшихся художественных традиций. На фоне этих метаморфоз происходят значительные «сдвиги» и в искусстве иллюстрации, которая всё больше обособляясь от станковой графики, меняет ракурс умозрительного восприятия литературных произведений.

Ряд исследователей склонны рассматривать трансформацию отечественной культуры указанного периода сквозь призму развития постмодернистского искусства в США (конец 1950-х—1960-е гг.) и в странах Европы (1970-е гг.) [5, с. 162—163]. Характерные для него «консервация культурных традиций прошлого путем их эклектического сочетания» и плюрализм форм [4, с. 215] находят свое отражение и в творчестве советских художников. Поиски новых средств художественной выразительности приводят к постепенному отказу от тональной манеры в книжной графике. Популярность использования карандашной и угольной техники для иллюстраций, в том числе и детской книги, была обусловлена, во многом, скромным диапазоном полиграфических возможностей того времени. Такие ныне признанные метры книжной графики как: Н.Г. Гольц, Г.А.В. Траугот (Г.Н. Траугот и его сыновья Александр и Валерий), Б.А. Диодоров, М.П. Митурич-Хлебников, В.А. Дувидов, во второй половине 1950-х гг. предстают молодым поколением художников, развивавшим новые методы оформления и иллюстрирования детской книги. Однако, осмысление образного строя литературных произведений, адаптация графических средств адекватно их стилистическим особенностям, авторскому видению сюжета, равно как возникновение обобщенно-аллегорических трактовок текста вызвали шквал критики со стороны художников старой школы. По их мнению, такое новаторство — не что иное, как слепое подражание «упадочному» Западу [3, с. 23], а реализм образов — прилизительность.

Позднее, в 1980-е гг., объективно оценивая переходный период в искусстве 1960-х, поиски индивидуального стиля и свобода самовыражения будут названы одними из «главных завоеваний того времени» [6, с. 67]. Справедливости ради отметим, что у художников старшего поколения были свои основания для претензий. Появление новых технических возможностей полиграфии, разнообразие стилей, фактур и колорита, как когда-то появление звука в кинематографе, отодвигает былые достижения на второй план, оставляя в тени тех,

кто не смог или не захотел приспособиться к новому порядку вещей. Тем не менее, подобные изменения были обусловлены не только повсеместным шествием постмодернистского искусства, но и генетической связью с положениями, изложенными ещё в 1930-х гг. в трудах выдающегося советского художника-графика и теоретика искусства В.А. Фаворского, опередившего своё время.

Художники 1970-х—1980-х гг. продолжают развивать искусство иллюстрации детской книги в русле новаторских тенденций. Большое внимание уделяется дизайну книги и структурным компонентам композиции в этой связи. Несмотря на условность изображаемых сказочных образов, жанровое своеобразие иллюстраций заключалось в их реализме и детализации. Эклектичное сочетание стилистических особенностей искусства разных эпох было для молодых художников основой для создания собственного стиля, требовавшего уже другого уровня профессиональной подготовки [1, с. 51]. Ещё один аспект, который подвергся критике со стороны «отцов» — проблема преемственности и принципов воспитания молодого поколения [2; 7]. Динамичный процесс развития стилей и направлений, а также расширение спектра средств выразительности приводят к тому, что в искусстве иллюстрации происходит наслаение и в некотором роде синтез нескольких художественных этапов. Возрастной диссонанс между представителями отечественной художественной культуры обозначенного периода, также стал одной из основных причин разногласий и споров. Помимо молодых, продолжают работать художники старшего поколения, которые не отказались от методов и традиций «сурового стиля» 1960-х гг. Наряду с ними иллюстрируют произведения их коллеги и ровесники, воспринявшие тенденции нового времени как творческий эксперимент.

Стоит отметить, что смена приоритетов в искусстве иллюстрации 1960-х—1980-х гг. происходила не впервые и по сути не была революционной. Прежде чем стать основоположниками собственной школы, ленинградские художники 1920-х—1930-х гг., также испытали на себе волну критики, в том числе и со стороны властных структур. Многие исследователи полагают, что стилистические решения книжной иллюстрации школы В.В. Лебедева, были во многом продолжением творческих поисков представителей объединения «Мир искусства». Однако, в соответствии с «генеральной линией партии», они были объявлены буржуазным наследием. И только спустя определенное время, когда изменилась политическая и социальная ситуация в стране, общество стало смотреть на процесс трансформации художественной культуры под другим углом.

Мировые достижения художественной культуры 1960—1980-х гг. оказали неоднозначное воздействие на отечественное искусство иллюстрации детской книги. Синтез различных приемов и средств выразительности, декоративных элементов и художественных традиций разных эпох приводят не только к появлению группы самобытных художников своего времени, но и к разрушению целостности изобразительной системы и нарушению некоего баланса между старшим и младшим поколениями иллюстраторов детской книги.

Список литературы:

1. Арзамасцев А., Архипова А., Спирин Г. Послушайте «наследников» // Детская литература. — 1984. — № 6. — С. 50—51.
2. Герчук Ю. Непослушные наследники // Детская литература. — 1984. — № 2. — С. 59—64.
3. Герчук Ю.Я. Художественные миры книги. М.: Книга, 1989. — 239 с.
4. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: ООО Издательство Петрополис, 2000. — 240 с.
5. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. — 347 с.
6. Тамручи Н., Васильев В. Взрослые разговоры о детской иллюстрации // Детская литература. — 1989. — № 2. — С. 66—71.
7. Чегодаева М. Непослушные наследники или послушные эпигоны // Детская литература. — 1984. — № 2. — С. 64—67.

СЕКЦИЯ 4.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

4.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»
Н.В. ГОГОЛЯ И «МАЛОРОССИЙСКИЕ ПОВЕСТИ»
Г.Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО**

Бологова Ксения Олеговна

соискатель, кафедра истории русской литературы XI—XIX вв.,

Орловский государственный университет,

РФ, г. Орёл

E-mail: ks.shchyogoleva@mail.ru

**«EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA»
BY N.V. GOGOL AND «MALOROSSIYSKIE POVESTI»
BY G.F. KVITKA-OSNOVYANENKO**

Bologova Kseniya

competitor, Department of history of Russian literature XI—XIX centuries,

Orel State University,

Russia, Orel

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор обращается к творчеству русско-украинского писателя Г.Ф.Квитки-Основьяненко и Н.В.Гоголя с целью изучения близости их творческих подходов. На материале циклов повестей рассматривается общность взглядов писателей. Автор приходит к выводу о влиянии творческих взглядов Н.В.Гоголя на Г.Ф.Квитки-Основьяненко.

ABSTRACT

In this article the author refers to the creation of Russian and ukrainian writer G.F. Kvitka-Osnovyanyenko and N.V. Gogol to study the similarity of their creative approaches. The similarity of views is considered on the material of cycles of novels. The author concludes that Gogol's creative views influence G.F. Kvitka-Osnovyanyenko.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; Г.Ф. Квитка-Основьяненко; рассказчик; цикл повестей; творческое переосмысление.

Keywords: N.V. Gogol; G.F. Kvitka-Osnovyanyenko; the narrator; the cycle of novels; creative rethinking.

Исследователями уже не раз отмечался тот факт, что Н.В. Гоголь своим творчеством оказал значительное влияние на развитие украинской литературы (С.Д. Зубков, Н.Е. Крутикова, Д.В. Чалый). Одним из первых его последователей был Г.Ф. Квитка-Основьяненко, который выступил с «Малороссийскими повестями». Цикл был создан на украинском языке, но впоследствии почти все повести автор сам перевел на русский и опубликовал в ведущих российских журналах того времени. Целью данной работы и будет изучение влияния Гоголя на Квитку-Основьяненко и выявление общих черт в их творчестве на материале циклов «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Малороссийские повести».

Если «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя вышли в 1831—1832 гг., то «Малороссийские повести» Г.Ф. Квитки-Основьяненко были опубликованы в 1834 и 1837 гг. и отличались от гоголевских повестей количеством. «Вечера на хуторе близ Диканьки» включают в себя восемь всем известных повестей (по четыре в каждом томе и предисловие в каждом). У Квитки в каждом томе по три произведения. В первый том входят «Солдатский портрет», «Маруся», «Праздник мертвецов»; во второй — «Хорошо делай, и будет хорошо», «Конотопская ведьма», «Вот тебе и клад». Квитка планировал опубликовать и третью книгу «Малороссийских повестей», куда должны были войти такие повести, как «Перекатиполо» (1840), «Божьи дети» (1840), «Искренняя любовь» (1839), но она так и не была издана. Что же касается предисловия, то у Квитки оно есть только в первом томе. Это «Прошение к пану — издателю».

Следует отметить, что цикл Квитки так же, как и «Вечера...» Гоголя, весьма многопланов. В нем чередуются произведения комические и сентиментально-религиозные (в отличие от Гоголя, который обращается также и к трагическим событиям). А вот плани-

ровавшийся третий том повестей Квитки вовсе лишен комичности. Связано это, конечно же, с мировоззрением писателей. «Вечера» Гоголя стоят почти в самом начале творческого пути писателя. Квитка же обратился к созданию «Малороссийских повестей», будучи уже зрелым человеком и имея богатый жизненный опыт за плечами, поэтому его волновали в большей степени вопросы философско-религиозного и нравственного характера.

Обозначив некоторое сходство в структуре циклов обоих писателей, обратимся к предисловиям, которыми Гоголь и Квитка предваряют свои повести. В предисловии к первому тому «Вечеров...» издатель представляет рассказчиков: дьяка местной церкви и некоего панича. В конце предисловия в алфавитном порядке помещены вместе с переводом слова, которые «не всякому понятны», они еще до знакомства с произведениями указывают на народный (украинский) колорит повестей. Аналогичным словарем снабжено и предисловие второго тома.

Если рассмотреть предисловия отдельно от повестей, то можно отметить следующую особенность: оба они связаны не только духом «демократичности» (восхищение народным языком и простота и естественность в поведении), но и образами дьяка Фомы Григорьевича и пана, именно на этих образах строится сюжетная составляющая обоих предисловий.

Предисловие Квитки «Прошение к пану-издателю» представляет собой письмо к приятелю, в котором адресант рассуждает о том, на каком языке нужно писать, и приходит к выводу о необходимости использования простого народного языка в литературе, чтобы простой народ мог прочесть книгу и без труда понять, что в ней написано («Я думаю, как говорим, так и писать надо» (перевод наш. — К.Б.) [3, с. 5]). Это также свидетельствует о демократичности в литературе.

У Квитки представлен один рассказчик — Грицько Основьяненко. Назван еще и Панас Пистряк, поведавший историю о солдатском портрете, но в повести эту историю представляет сам Основьяненко. Предисловие носит публицистический характер и связано непосредственно только с первым произведением цикла — рассказом «Солдатский портрет». Никакого словаря, подобного Гоголевскому, нет, потому что Квитка адресовал свои произведения украинскому читателю, а Гоголь — русскому.

У Гоголя «Вечера...» изданы Рудым Паньком. У Квитки же «Малороссийские повести» рассказаны «Грицьком Основьяненком», то есть у всех повестей один рассказчик, а у Гоголя их несколько, причем в некоторых повестях они четко обозначены (дьяк Фома Григорьевич —

«Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место», Степан Иванович Курочка — «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

Изучив циклы повестей обоих писателей, мы можем выделить некоторые сходства. Так, в повести «Сорочинская ярмарка» Н.В. Гоголь ко всем тринадцати главам подбирает эпиграфы на украинском языке (из старинной легенды, малороссийской комедии, свадебной песни, простонародной сказки, пословицы, «Энеиды» Котляревского и произведения «Гулак» Артемовского), что свидетельствует о желании писателя познакомить русских читателей с украинской народной и литературной культурой. Таким образом, Гоголь создает национальный украинский колорит. Квитка представляет свои произведения на украинском языке, но следует той же цели. Ярмарка в «Солдатском портрете» Квитки, несомненно, напоминает сорочинскую ярмарку Гоголя.

«Вечер накануне Ивана Купала» и «Вот тебе и клад» Квитки имеют немало сходств. Образы Петруся у Гололя и Фомы у Квитки связаны с поисками клада. Только Фома мечтает о кладе всю сознательную жизнь, поэтому и связывается с нечистой силой, а Петрусь преследует совсем другие цели: он хочет жениться на любимой Пидорке. Басаврюк у Гоголя и Юдун у Квитки — воплощение нечистой силы, черт; оба они искушают главных героев. Но у Гоголя все намного серьезнее и страшнее, в повести практически нет комических элементов (разве что тетка покойного деда, с которой случаются всякие нелепости). Главный герой становится обладателем клада, совершив страшный грех, убив невинное дитя, брата Пидорки. Клад отнимает у Петруся душевный покой, чахнет от горя, глядя на мужа, и красавица Пидорка. Вспомнив все, что с ним случилось, герой превратился в кучу пепла, а клад — в битые черепки. У Квитки Фома клада не получает, но тем не менее повесть также заканчивается смертью главного героя. Отношения с нечистой силой ни к чему хорошему не приводят. Повесть Квитки содержит в себе много комических элементов (например, описание свадебного обеда у чертей и их беседы на французском) и не несет в себе такой трагичности, как у Гоголя, но в отличие от Петруся герой Квитки успевает покаяться перед смертью и умирает как обычный человек.

Дед, герой повести «Пропавшая грамота», в поисках вверенного ему документа попадает к чертям, у них танцы и застолье. Подобную ситуацию описывает и Квитка в повести «Вот тебе и клад», где Фома с большим аппетитом, да еще и в пост, обедает на свадьбе у чертей. Герой же Гоголя трижды пытался угоститься, но кусок все время

попадал в чужой рот. Следует отметить еще один важный момент, сближающий две повести, — это осенение крестом. Герой Гоголя крестит карты, именно это и помогает ему выиграть у ведьм свою шапку, в которую была зашита грамота. Кроме того, он грозит перекрестить святым крестом всех чертей, если не вернут ему коня. Крест для него святой, он использует его как спасение, потому что искренне верует. Герой же Квитки на свадьбе у чертей осеняет себя крестом по привычке, этот жест не несет в себе никакого духовного содержания, а служит лишь подтверждением правдивости намерений героя.

Героиня повести «Ночь перед Рождеством» Солоха несколько напоминает Явдоху, конотопскую ведьму из одноименной повести Квитки, об обеих ходят слухи, что по ночам они доят коров. Действие повести Гоголя происходит накануне Рождества. Квитка в некоторых повестях («Вот тебе и клад», «Праздник мертвецов») приурочивает события к другому важному празднику — Пасхе. Нам это кажется неслучайным, потому что в вышеназванных произведениях, оба писателя изображают нам нечистую силу, которая искушает главных героев. Вакула выходит победителем (одолевает черта), а Фома («Вот тебе и клад») в канун воскресения Христова окончательно губит свою душу.

«Страшную месть» Гоголя можно сопоставить с повестью Квитки «Перекасти-поле». Месь, выдуманная Иваном для Петра, убившего его с сыном, очень страшна. Убитый просит наказать весь род Петра. Последний из его рода, колдун, совершил страшные злодеяния, убил собственную дочь, ее мужа и сына. Иван убил колдуна, но после мести герой не обретает покоя. Он вечно, сидя на коне, смотрит на содеянное.

Герой повести «Перекасти-поле» Денис напоминает колдуна из «Страшной мести», он никак не связан с нечистой силой, тем не менее на его совести немало загубленных душ и прочих злодеяний. Он так же, как и колдун, мучится из-за своих грехов. Но у Квитки все не так страшно: его герой наказан муками совести и законом.

«Заколдованное место» — поучительная юмористическая история, которая убеждает читателей не верить нечистой силе, спасать себя святым крестом. Здесь вновь встречается мотив клада, как и в «Вечере накануне Ивана Купала», как и у Квитки в повести «Вот тебе и клад». Только в данном случае все заканчивается благополучно, потому что дед не вступает в сговор с нечистой силой.

Как видим, в циклах обоих писателей немало общего. Учитывая тот факт, что «Малороссийские повести» Г.Ф. Квитки-Основьяненко были изданы позднее, чем «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, можно прийти к выводу о том, что Квитка был знаком с повестями Гоголя и, несомненно, творчески их осмыслил и переосмыслил, этим и можно, на наш взгляд, объяснить ряд сходств. Кроме того, произведения обоих писателей были созданы на одном материале — историях из жизни украинского народа. Но в цикле Квитки преобладают повести религиозного содержания, Гоголь же пришел к подобной тематике позднее, и связано это, конечно же, с возрастом писателей: «Вечера» написаны молодым Гоголем (первый том вышел в 1831 году, когда Гоголю было 22 года), а «Малороссийские повести» уже зрелым Квиткой (первый том писатель опубликовал в возрасте 56 лет).

Список литературы:

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 9 т. / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. Т. 1; Т. 2: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2. Миргород. М.: Русская книга, 1994. — 493 с.
2. Зубков С.Д. Русская проза Г.Ф. Квитки и Е.П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев: Наукова думка, 1979. — 271 с.
3. Квитка-Основьяненко Г.Ф. Сочинения: В 6 т. / под редакцией А.А. Потебни. Т. 1: Малороссийские повести. Харьков: Типография Каплана и Бирюкова, 1887. — 255 с.
4. Квитка-Основьяненко Г.Ф. Сочинения: В 6 т. / под редакцией А.А. Потебни. Т. 2: Малороссийские повести. Харьков: Типография Каплана и Бирюкова, 1887. — 238 с.
5. Крутикова Н.Е. Гоголь и украинская литература (30—80-е гг. XIX ст.): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: АН СССР, 1953. — 31 с.
6. Крутикова Н.Е. Литературные связи русского и украинского народов: материалы в помощь учителю. М.: Учпедгиз, 1954. — 52 с.
7. Освободительное движение и русско-украинские литературные взаимосвязи / [С.А. Кривошапова, Т.П. Маевская, Д.В. Чалый]. Киев: Наук.думка, 1982. — 256 с.
8. Чалый Д.В. Становление реализма в украинской литературе. Киев: Издательство АН УССР, 1958. — 28 с.

ВЗГЛЯДЫ В. КОЖИНОВА НА ПОЭЗИЮ Ф. ТЮТЧЕВА

Сидоренко Тамара Михайловна

*канд. филол. наук, старший преподаватель,
филиал Кубанского государственного университета,
РФ, г. Армавир*

THE OPINION OF KOZHINOV V. ABOUT TYUTCHEV'S POETRY

Sidorenko Tamara

*candidate of philological Sciences, senior lecturer,
branch of Kuban state University,
Russia, Armavir*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена взглядам известного литературного критика В. Кожинова на творчество Ф. Тютчева. Статья построена на анализе основных трудов литературоведа по данной теме. Автор обращает внимание на то, что одна из главных задач для В. Кожинова состоит в раскрытии глубокой связи творчества поэта с историей России, а главными особенностями его лирики были философичность и соборность.

ABSTRACT

The article is devoted to the opinion of the famous critique of Kozhinov creativity F. Tyutchev. The article is based on analysis of the basic books of literature on Tyutchev's poetry. The author draws attention to the main task for korinov is a revelation of the deep connection of the creativity of the poet with the history of Russia and the main features of his poetry were the philosophy and unity.

Ключевые слова: литература; лирика; Тютчев; Кожинов.

Keywords: literature; poetry; Tyutchev; Kozhinov.

Исследуя русскую литературу в ее историческом развитии, В. Кожинов получил возможность непосредственного проникновения в глубины национального духа отечественной классики. Из всех поэтов XIX века литературовед выделяет только семь, которых, по его мнению, можно безоговорочно назвать великими поэтами, сумевших

«полноценно воплотить громадный смысл в совершенном поэтическом мире». Это А. Пушкин, Е. Боратынский, Ф. Тютчев, А. Кольцов, М. Лермонтов, А. Фет, Н. Некрасов. Именно они представлены критиком как значительнейшие, высшие образцы русской лирической поэзии XIX века.

В своих воспоминаниях о В. Кожинове его друг, Ст. Куняев, пишет: «Пушкин для Кожина был Богом, небожителем, Тютчев же, в семье сына которого жил домашним учителем дед Кожина, понимался им как пращур, как своеобразный покровитель кожиновского рода. И недаром великую книгу о Тютчеве написал именно Вадим Валерианович» [6, с. 504—505]. Что связывало Кожина с Тютчевым? С нашей точки зрения, это не только чувство преемственности поколений, идущее от деда Вадима Валериановича В.А. Пузицкого, но главным образом общее для них качество — величайшая вера в Россию.

В книге В. Кожина речь идет прежде всего о личной и творческой судьбе великого поэта, выдающегося политика и дипломата Ф. Тютчева. По мнению исследователя, биография Тютчева имеет первостепенное и поистине необходимое значение для понимания его лирики, поскольку его литературное творчество было нераздельно связано с политической деятельностью. Потому одна из главных задач для В. Кожина и состоит в раскрытии этой глубокой связи творчества поэта с историей России, в «стремлении раскрыть и доказать, что Тютчев, при всем своеобразии судьбы его, был таким же центральным и стержневым деятелем отечественной культуры, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой» [5, с. 9].

Когда поэт учился в Московском университете, он был тесно связан, как показывает исследователь, с «поколением Любомудров». Постоянно встречался с молодыми поэтами и философами этого круга — и в университете, и в Обществе любителей российской словесности, и в кружке Раича. Среди них были В. Одоевский, Д. Веневитинов, С. Шевырев, братья Киреевские, А. Муравьев, Д. Ознобишин и многие другие. Этим фактом в биографии Тютчева критик подтверждает на неправомочность восприятия поэта-мыслителя как совершенно «одиноким» фигуры. «...Философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств — вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук и найти свое основание, сей залог своей самобытности и, следовательно, своей нравственной свободы... в одной философии, которая заставит и развить свои силы и образовать систему мышления» (Д.М. Веневитинов).

тинов) [4, с. 30]. По справедливой оценке Кожина, Тютчев внес неоценимый вклад в осуществление исторической задачи поколения Любомудров уже одним тем фактом, что он явился величайшим поэтом-мыслителем России, исследователь убежден, что этим доказывается вершинная роль поэта в его поколении — поколении Любомудров.

Общепринятое понятие ценности тютчевской лирики лишь в качестве философской исследователь справедливо воспринимает как принижающее истинную ценность поэта. В частности, в позднем периоде творчества Тютчева в его лирике не много произведений, которые действительно можно отнести к «философским». Несомненно, философичность лирики — это не его личная заслуга, а закономерная черта эпохи его творческого становления. Тютчевское поколение (30-х гг. XIX в.), как и кожиновское (60-х гг. XX в.) развивалось в мыслительной деятельности, потому мысль Тютчева, равно как и Кожина, — мысль подвижническая, мысль во благо Отечества.

С ранних лет впитал поэт соборность в ее первоначальном виде — основу православия, которая проявилась в нем как сочетание общечеловеческого и личного, бытия России и личного бытия, глубокая связь с народом. Именно малая родина, «срединная часть русской земли», должна зародить «в душевной глубине будущих великих художников то зерно, то ядро, из которого развился затем образ общенародной, общенациональной красоты» [3, с. 12].

Тютчевское пребывание за границей исследователь характеризует как попытку взглянуть на Россию со стороны. Глубокое освоение этой культуры, переживающей свой всемирный взлет, облегчало и ускоряло духовное и творческое созревание Тютчева, прожившего там много лет, не порывая духовно с Россией. Наследие Тютчева В. Кожин определяет как предельно ёмкое — в него нужно пристально вглядываться, вживаться, чтобы постичь воплотившиеся в них откровения. Хотя, сам Тютчев постоянно сомневался в том, что ему удалось внятно выразить открывшиеся ему тайны жизни и поэзии. Среди его вершинных стихотворений 20—30-х годов критик называет такие как «Весенняя гроза», «Могила Наполеона», «Видение», «Бессонница», «Как океан объемлет шар земной...», «Последний катаклизм» и др.

Автор книги также развеивает легенду о равнодушии Пушкина к тютчевским стихам, более того, о решительном их неприятии поэтом. Эта тыняновская позиция продолжает отстаиваться А. Чудаковым [10]. В. Кожин приводит факты, подтверждающие,

что Пушкин не только знал, но и регулярно публиковал стихотворения Тютчева в своем «Современнике»; к тому же, он выразил желание принять участие в подготовке и издании планируемой книги Тютчева. «Тютчев, — писал Иван Аксаков, — принадлежал бесспорно к так называемой пушкинской плеяде поэтов <...> на его стихах лежит тот же признак, которым отличается и определяется поэзия этой эпохи» [3, с. 77].

В этом убежден и В. Кожин. Совершенно очевидно, уверяет он, что многие свойства тютчевской поэзии были близки зрелому Пушкину, и среди них — философское начало. Мы вслед за критиком считаем, что существо поэзии Тютчева — в том величественном образе мыслителя, который воплощен в ней. Он «проникнут такой мощной и глубокой духовной жизнью, что те или иные философские идеи, содержащиеся в <...> целом ряде стихотворений, являют собой не самостоятельный, самодовлеющий смысл, но только отдельные выражения, только своего рода духовные «жесты» этого «лирического героя» тютчевской поэзии» [3, с. 148].

Личность поэта, в силу своей цельности, сильнее, чем творчество, влияла на становление людей, поскольку, как пишет В. Кожин, Тютчев представлял собой духовно-историческое явление огромного масштаба. Он обращался к вселенскому бытию во всей безграничности пространства и времени, постоянно испытывал чувство трагедийного. Поэту удавалось решить неразрешимое противоречие — сочетание в нем «Шеллинга с Державиным», «романтизма и барокко» [4, с. 15] и соединить несоединимое: христианскую философию Блеза Паскаля и пантеизм Жан-Жака Руссо. Деля наблюдения над стихами поэта, М. Дунаев заметил, что он был способен «расслышать таящиеся в глубочайших глубинах душевных греховные противоречивые состояния, безумно тяготеющие к бесформенному небытию, хаосу», начала которых усматриваются исследователем в раздвоенности «собственной природы Тютчева» [2, с. 363—365]. Безусловно, в тютчевском мировосприятии два этих полюса образовывали некое гармоническое единство.

В. Кожин разграничивает стихи зрелого Тютчева на два различных периода. Так, исследователь отмечает, что раннее творчество Тютчева проникнуто мировым, космическим духом, а в поздний период на первый план выходят стихии человечности и народности, хотя его стихотворения не утрачивают своей «всемирности». Еще Н. Скатов утверждал, что «личность в поэзии Тютчева представляет за весь род человеческий, но не как за род в целом., а за *каждого* в этом роде или за род, распавшийся

на *каждого*» [9, с. 227]. Вадим Валерианович приходит к такому же, на наш взгляд очень существенному, выводу: поэт высоко поднимался в своем творческом взлете, но обращался к душе *любого* читателя, слушателя, не испытывая несовместимости поэзии с обыденной жизнью. Книги В. Кожинова о Тютчеве — прежде всего книги о великом русском поэте-мыслителе. Л. Бородин так отзывался о работе исследователя: «В. Кожинову удалось написать книгу о поэте так, как будто он забыл в какое время он живет! Если бы он писал ее сейчас, полагаю, что ничего бы в ней не изменил» [7]. Тот же Л. Бородин в интервью «Русскому вестнику» в 2001 году справедливо заметил, что В. Кожинов много сказал в своей книге, «однако раскрыть все до конца о Ф.И. Тютчеве — никому и никогда не удастся, так как поэт не совпадает с человеком» [7].

Список литературы:

1. Аксаков И. Биография Ф.И. Тютчев М., 1886. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://tutchev.ouc.ru/i-s-aksakov-fedor-ivanovich-tutchev.html>.
2. Дунаев М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. II. Издание второе, исправленное, дополненное. М.: Христианская литература, 2004. — 512 с.
3. Кожинов В. Пророк в своем Отечестве Федор Тютчев М.: Эксмо, 2002. — 512 с.
4. Кожинов В. Тютчев (ЖЗЛ) М.: Молодая гвардия, 2009. — 471 с.
5. Кожинов В. Тютчев М., 1994. — 113 с. — (Роман-газета, № 2).
6. Куняев Ст. Этот бесстрашный человек // Вадим Кожинов в диалогах, беседах, интервью и воспоминаниях // Сост. Уляшов П.М.: Алгоритм, 2005. — С. 521—535.
7. Поэт природы, империи и православия. Писатель Л.И. Бородин о Тютчеве // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=1446/25.12.2003>.
8. Пумпянский Л. Поэзия Ф.И. Тютчев М.: Лань, 2013. — 46 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=8856.
9. Скатов Н. Литературные очерки. М.: Современник, 1985. — 366 с.
10. Чудаков А. Слово-вещь-мир / А.П. Чудаков. От Пушкина до Толстого М.: Современный писатель, 1992. — 320 с.

**НЭП В РОМАНАХ А. МАРИЕНГОФА «ЦИНИКИ»
И И. ЭРЕНБУРГА «РВАЧ»**

Юденкова Елена Владимировна

*аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков,
теории литературы и фольклора
Воронежского государственного университета,
РФ, г. Воронеж
E-mail: hatonhead@mail.ru*

**NEP IN THE NOVELS OF A. MARIENGOFF «CYNICS»
AND I. EHRENBURG «GRABBER»**

Elena Yudenkova

*post-graduate student, Department of Russian literature
of the XX-XXI-st centuries, Voronezh State University,
Russia, Voronezh*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются способы изображения новой экономической политики А. Мариенгофом и И. Эренбургом в романах 1920-х годов «Циники» и «Рвач». Сравнение данных авторов позволяет выявить различие их точек зрения на героев и события, которые они описывают.

ABSTRACT

The article discusses the methods of depiction of the new economic policy by A. Mariengof and I. Ehrenburg in the novels of the 1920s "Cynics" and "Grabber". Comparison of these authors reveals their different points of view on the characters and the events they describe.

Ключевые слова: русская литература XX века; роман; литературоведение; А. Мариенгоф; И. Эренбург; 1920-е годы; нэп.

Keywords: literature of 20th century; novel; literary criticism; A. Mariengof; I. Ehrenburg; 1920-th years; nep.

Введение новой экономической политики в советской стране 1920-х годов повлекло за собой серьезные последствия не только в идеологии и политике, но, что немаловажно для рядового гражданина, в сфере быта. На перемены бытового характера немедленно

отреагировала литература, ибо ее герой оказался вовлеченным в процесс, который требовал не только художественного осмысления.

Показательно, что литература в 1920-е годы, после господства модернистского искусства на протяжении всего Серебряного века, обращается к натурализму. «Литературный быт» (термин Б.М. Эйхенбаума) диктует литературе новые формы и способы изображения действительности.

В этом смысле интересны романы А. Мариенгофа «Циники» и И. Эренбурга «Рвач». Имажинист А. Мариенгоф и И. Эренбург, в целом сложившиеся литераторы, тяготеют к натуралистической поэтике. Предмет изображения оба писателя выбирают сходный — нэп, но по-разному подходят к его изображению и обнаруживают авторскую оценку.

Роман А. Мариенгофа «Циники» — это дневник рассказчика и главного героя Владимира, охватывающий период с 1918 по 1924 годы. Это собрание разрозненных записей, тех, которые, по его словам, совершенно случайно сохранились. Поэтому роман представляет собой чередование фрагментов, связанных с любовной историей Владимира и Ольги, и фрагментов, повествующих о ситуации в стране — выписки из газет, рекламные объявления и т. д.

По мнению Т. Хуттунена, ключом к пониманию выбора именно такого способа повествования А. Мариенгофа может быть его попытка организовать в 1928 году Общество поэтов и литераторов «Литература и быт», в манифесте которого основной задачей писателя называется необходимость тщательного изучения нового советского быта, который нужно «увязать с реальным материалом» (почти как у Ю. Тынянова — «зацепить быт» — Е.Ю.) [4, с. 100].

Рассказчик Владимир говорит о «естественной» разрозненности записей своего дневника. С одной стороны, это выражение его, рассказчика, находящегося внутри описываемых событий, его ощущение реальности. С другой стороны, это авторский способ изображения «рассыпавшейся» на множество частей действительности: она может быть отражена только в такой форме, — это то самое влияние «литературного быта», вторжения реальности в литературу.

Лаконичные газетные цитаты иллюстрируются фрагментами о жизни героев. Например, газетная выписка о заготовке конины для Москвы иллюстрируется описанием ужина (от лица Владимира), на котором подают «корейку восемнадцатилетнего мерина» [3, с. 148]. Интересно, что это не простая иллюстрация. Оценка одного и того же события с точки зрения государства и отдельного человека разнится: в газете заготовка конины представляется как победа над

голодом, а Владимир этот оптимизм не разделяет. На деле заготовка конины оборачивается убоим рабочих лошадей, мясо которых невозможно употреблять в пищу, что рассказчику на собственном опыте и приходится почувствовать. Отсюда его ирония по поводу цитаты из газеты.

Это особое чередование «субъективных» и «объективных» фрагментов текста позволяет А. Мариенгофу дать читателю ключ к пониманию своего отношения к описываемым событиям. Проекты, которые выдвигаются в новой России, абсурдны и совершенно неадекватны социальной и бытовой ситуации.

Так, пока граждане четвертой категории получают всего лишь 1/10 фунта хлеба в день, Совет Народных Комиссаров решает поставить памятники Спартаку, Гракхам, Бруту и т. д. [3, с. 140]; рабочие типографии «Фиат Люкс» вынуждены трудиться в холоде, в то время как в Москве ставят одиннадцать памятников «великим людям и революционерам» [3, с. 149]; пассажирское железнодорожное движение запрещено, зато Народный Комиссариат по просвещению разрабатывает проект создания пяти новых музеев [3, с. 177] и т. д.

Повествование насыщено натуралистическими деталями, кричащими о невыносимом быте, особенно это касается фрагментов о голоде. Натурализм у А. Мариенгофа служит для эпатажирования читателя и идет от действительности — как правило, натуралистические детали содержатся в «объективных» главах.

Композиционное расположение фрагментов в романе является именно чередованием, но не диалогом общественно-политической и повседневной, бытовой жизни отдельного человека — подчеркивается их оторванность друг от друга. Этот прием позволяет увидеть перестраивание и ломку быта, которые являются следствием изменения идеологических, мировоззренческих основ общества.

Главные герои оказываются лишенными той среды, в которой они сформировались как личности. Это выражается в романе прежде всего в том, что у героев нет фамилий (а значит, они утратили связь с родом, но ни в коем случае не забыли его): Ольга, Владимир, Сергей, Гога. Эти герои — представители интеллигенции.

Контрастны им имена людей нового революционного времени: у личного секретаря Ольги фамилия «Мамашев», но в романе он называется не иначе как с добавлением нового обращения — «товарищ». Нэпман Илья Петрович, создавший целую «философию взятки» [3, с. 195], носит «говорящую» фамилию «Докучаев», в чем выражается отношение к нему прежде всего главных героев.

У этих героев, являющихся представителями новой социальной общности, нет памяти, а значит и корней, прошлого.

«Перекраивание» быта в романе можно отследить с помощью деталей «старого» времени. В самом начале «Циников», в первой главе «1918» передается переходность времени: революционные события произошли, идет перестройка государственных основ, остатки старой, свергнутой новым режимом жизни постепенно исчезают. Владимир все еще приходит к Ольге с цветами, в то время как ситуация не располагает к старомодному романтизму: влюбленные в качестве подарка приносят мешки с мукой и пшеном; соль, ставшая редкостью, хранится у Владимира в золотой табакерке времен Елизаветы Петровны. Это элементы игры, которую ведут герои и которая, становится для них способом выжить, пока ситуация в обществе не станет стабильной, а условия их жизни — сходными с теми, к которым они привыкли.

Название романа А. Мариенгофа «Циники» можно понимать двояко. С одной стороны, герои пытаются не воспринимать трагически бытовые проблемы, они острят и иронизируют по поводу быта. Но, с другой стороны, цинизм, которым, как маской, пытались защититься герои в революционной безбытности, чтобы выжить, их разрушил: Ольга, ставшая любовницей брата Владимира Сергея и нэпмана Докучаева, в конце романа, когда быт в стране налаживается, кончает самоубийством.

Прав Б. Аверин, который называет героев А. Мариенгофа и циниками, и романтиками одновременно [1, с. 478]: герои беспокоились не о своем благополучии, они были готовы страдать, терпеть лишения ради революции, как они ее понимали, но стали свидетелями нэпа. Ольга охарактеризует новую экономическую политику однозначно: «Прекраснейшая из рожениц (имеется в виду революция. — Е.Ю.) производит на свет чудовище» [3, с. 171].

Иной способ обнаружения авторской оценки, продиктованной временем, демонстрирует И. Эренбург в романе «Рвач». Его отношение к быту, к нэпу сформировалось под влиянием меняющейся общественной ситуации. Как отмечал сам писатель, ему захотелось рассказать о комсомольце, соблазненном возможностью легко пожить и ставшем таким образом спекулянтom.

В центре внимания И. Эренбурга — взаимоотношения со средой главного героя Михаила Лыкова. Интересно, что рассказчику, именующему себя «автором» романа (безусловно, нельзя отождествлять его с биографическим автором, «автор» в «Рваче» выступает как объект

с фразеологической точки зрения, т. е. как рассказчик [5, с. 327]), свойственна рефлексия относительно собственного текста.

Так, в самом начале «Рвача» рассказчик комментирует работу своей писательской мысли: хотелось бы начать с финала: «Злоупотребления в «Югвошелке» наконец-то раскрыты!», уподобляя первое же предложение романа газетному заголовку, но он останавливает себя: роман может выйти слишком злободневным, фельетонным, но никак не социально-бытовым (вспомним, что Б. Эйхенбаум: предостерегал писателей именно от злободневности).

Рассказчик И. Эренбурга, в отличие от рассказчика А. Мариенгофа, не принадлежит той же среде, о которой ведет свое повествование. Он дистанцируется от плебейского окружения, которое формирует его героя, чем выражает свое негативное отношение к нему. В отличие от А. Мариенгофа, сочувствующего своим героям-интеллигентам, И. Эренбург презирает Михаила Лыкова.

Жизнь героя описывается в «Рваче» с сохранением хронологии и вниманием к среде, которая охарактеризована однозначно: «костенеющая скорлупа быта» [6, с. 22]. Иначе говоря, манера повествования «автора»-рассказчика в романе обозначает игру самого биографического автора И. Эренбурга со своим героем.

Для понимания поведения главного героя важно значение его имени. Интересно, что имя «Михаил» означает «равный Богу», а «говорящая» фамилия «Лыков» — «не лыком шит» — подчеркивает особенность его психологии: герою легко жить, полагаясь на случай, занимаясь подвернувшимся «дельцем», а не утруждать себя осознанием и осмыслением новых изменений в обществе (в «Главе о фраках» Михаил Лыков сравнивается с боксером, которого усадили за шахматную доску).

О среде, из которой вышел главный герой, говорится много: читатель узнает, что он «лакейский сын», который попадается однажды «с поличным» на краже имбирного пряника, кутит в первый раз, учится в прогимназии и т. д. Роль быта, окружения для формирования личности подчеркивается в романе с помощью навязчивых образов-воспоминаний, которые постоянно возникают в сознании Михаила Лыкова. Однако герой «не дорос» до того, чтобы проанализировать их. Духовного мира у него нет, Михаил Лыков равен своей физической оболочке, отсюда натурализм как способ изображения. В отличие от А. Мариенгофа, у И. Эренбурга источником натурализма является сам герой, а не окружающая его ситуация.

Среди таких воспоминаний героя следует особо отметить образ отца. В романе он называется не иначе как «папаша», который «был

живой манишкой», «человеком» [6, с. 12—13], услужливым, покорным и униженным. Это наложило отпечаток на главного героя: его амбициозность, эгоизм были вызваны желанием избавиться от чувства униженности, привитого с детства. «Униженный» быт, в котором прошли ранние годы Михаила Лыкова, сделали его детство «душным», «оловянным» [6, с. 22].

Снятый «великим переполохом» со своего «жизненного поста» [6, с. 29], герой растерялся. Весь жизненный путь Михаила Лыкова можно охарактеризовать повиновением случаю, быту, условиям, но с оговоркой: он пытался убежать от современной ситуации, от быта, от революции к легкой, более комфортной жизни.

Не случайно о сыне Михаила в финале романа говорится: «а ручки... по-прежнему рвались к яркой побрякушке» (курсив мой. — Е.Ю.) [6, с. 352], приведенная цитата может метафорически выразить жизненную позицию главного героя. Это неосознанное, не одухотворенное стремление героя ко всему яркому, необыкновенному.

По этой же причине Михаил Лыков мечтает стать поэтом — то же желание добиться славы, оваций, восторгов. Решение примкнуть к эсерам, партии, которая напоминала «грандиозный митинг-концерт»: пословицы они произносят «патетично», «с дрожью, как прозрения» [6, с. 31] — объясняется тем, что они «яркие». Следует, правда, отметить, что эсеры ко времени создания романа уже были врагами новой власти. И. Эрэнбург в данном случае прибегает к политически окрашенной характеристике героя.

«Случай», особое стечение обстоятельств руководит Михаилом Лыковым в его жизни. Он оказывается то в «мофективной секции» (в книге «Люди, годы, жизнь» И. Эрэнбург расшифрует этот термин как «морально дефективный») Собеса, то идет на фронт, то учится до нервного истощения, потому что «профессия создавалась условиями» [6, с. 80]. Условиями, бытом, а именно началом нэпа, было вызвано и последнее занятие героя — спекуляция.

Жизнь революционных лет в тексте романа прямо названа «ирреальной»: даже Уэллс не придумал бы ничего подобного [6, с. 106]. Быт действительно абсурден, порочен, факты кажутся «неправдоподобными» [6, с. 72]: люди «обжирались с голодухи кормовой свеклой», «ошалевшая» воспитательница пыталась раздобыть «ситцу, сахару, керосину» [6, с. 75]. Для делегатов, которые входили в состав «какой-нибудь четвертой подкомиссии», обсуждающей организацию «титанической опытно-показательной комиссии» [6, с. 75], быт — не более чем абстракция, тогда как именно эти условия в изобилии плодят «детей нэпа»: Сонечек, Арсениев Вогау и Шестаковых.

Заглавие романа И. Эренбурга содержит прямую характеристику главного героя Михаила Лыкова — «Рвач». Быт в романе предстает как сила, формирующая героя, заставляющая его жить в зависимости от сложившихся обстоятельств. «Духота» быта, жестокость жизни, окружавшей Михаила Лыкова, привела его в финале романа к гибели.

В то же время заглавие романа представляет собой характеристику и целого социального слоя, к которому принадлежит Михаил Лыков, особого мировоззрения, сформированного нэпом.

Роман А. Мариенгофа «Циники» и роман И. Эренбурга «Рвач» строятся с использованием мотива игры, однако писатели реализуют этот мотив по-своему. Герои А. Мариенгофа лишь играют в циников, на самом деле они «романтики» (Б. Аверин). Цинизм же предполагает наличие двойного взгляда на мир: низвергая что-то, издеваясь над чем-то, циник понимает его подлинную ценность.

Бытовые детали служат метками игры героев. Насыпанная в табакерку времен Елизаветы Петровны соль для Ольги и Владимира является символом поправленного прошлого, всего того, что свершившаяся революция уничтожила. Для «новых» людей это просто деталь быта, солонка и не более. В «Циниках» смена быта времени военного коммунизма на быт нэпманов для героев обозначила крах их надежд, следовательно, бытовые детали есть обозначение их внутреннего состояния.

Игра не освобождает героев от нравственных страданий и не спасает от осознания невозможности вернуться к прежней жизни. Герой И. Эренбурга, наоборот, далек от этого. В романе «Рвач» именно автор выбирает игру, которая реализуется в наблюдении над героями, для которых быт является средой, в которой можно реализовать свои желания. И. Эренбург подходит к своему герою с точки зрения победившего класса, для которого естественно презрение к «лакейскому сыну», наживающемуся на революции.

Роман А. Мариенгофа ставит вопрос о том, к какому итогу придет играющая в циников интеллигенция, сможет ли она пережить девальвацию прежних ценностей и замену их на быт нэпманов. А роман И. Эренбурга может быть рассмотрен в контексте статьи Д. Мережковского «Грядущий хам»: «Рвач» — это роман о победе победившего «хама», нового аполитичного слоя общества, легализованного нэпом.

Список литературы:

1. Аверин Б. Проза Мариенгофа// Мариенгоф А.Б. Роман без вранья; Циники; Мой век.: романы. Л.: Худож. лит., 1988. — 480 с.
2. Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. — 552 с.
3. Мариенгоф А.Б. Роман без вранья; Циники; Мой век.: романы. Л.: Худож. лит., 1988. — 480 с.
4. Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф. Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 272 с.
5. Эйхенбаум Б.М. О прозе: сборник статей. Л.: Худож. лит: Ленингр. отд-ние, 1969. — 501 с.
6. Эренбург И.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2: Рвач; Лето 1925 года; В Проточном переулке. М.: Художественная литература, 1964. — 615 с.

4.2. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ СТИХОТВОРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ БАХЫТА КАИРБЕКОВА)

Тенбаева Алтынай Мейрбаевна

*д-р филол. наук, ассоциированный профессор кафедры истории
Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин
Академии гражданской авиации,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: altynai06@list.ru*

ABOUT FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL METAPHORS IN MODERN POETIC TEXTS (AS EXEMPLIFIED IN BAKHIT KAIRBEKOV'S POETRY)

Altinay Tenbayeva

*doctor of Philological Sciences, Associated professor of Kazakhstan History
and Social and Humanitarian Disciplines Chair, Academy of Civil Aviation,
Republic of Kazakhstan, Almaty*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является рассмотрение развития значения фразеологической метафоры в современном поэтическом тексте. Проанализировано взаимодействие этого вида метафоры с традиционными, библейскими, пушкинскими метафорами. Показан механизм создания индивидуального текстового смысла, что свидетельствует о теоретическом потенциале объекта исследования.

ABSTRACT

The aim of this article is to examine the value of phraseological metaphors development in the modern poetic text. The interaction between this kind of metaphor with traditional, biblical and Pushkin's metaphors is analyzed. The mechanism of creating an individual meaning of the text is shown that indicates the theoretical potential of the research object.

Ключевые слова: фразеологическая метафора; фразеологическая единица; традиционная метафора; стихотворный текст; значение метафоры; ассоциативные связи.

Keywords: phraseological metaphor; phraseological unit; traditional metaphor; poetic text; meaning of metaphor; associative relations.

Семантический потенциал фразеологической метафоры — «базиса» образности фразеологизма — активно исследуется на современном этапе развития филологии. Ученые-лингвисты, говоря о трансформации фразеологических единиц в речи, выделяют расширенную фразеологическую метафору. «Расширенная фразеологическая метафора является одним из основных способов контекстуальной трансформации языковых единиц и характеризуется индивидуальной принадлежностью, новизной, непредсказуемостью, зависимостью от контекста, семантической и стилистической связью с базовой формой» [1, с. 33].

В данной статье нас интересует функционирование фразеологических метафор в составе метафорических конструкций стихотворного текста, а также — их взаимодействие с другими видами метафор.

Не вызывает сомнений, что поэтическая специфика усугубляет отмеченные выше особенности фразеологической метафоры. Даже беглый взгляд на современную казахскую поэзию позволяет говорить о множестве контекстуальных вариантов этого вида тропа.

К фразеологической метафоре обращается известный казахский поэт Бахыт Каирбеков. Рассмотрим несколько примеров:

*Круги сужались на воде,
Пытаясь вытолкнуть обратно камень
Камень со дна души [3] («Круги сужались на воде...»)*

В трех строках «монтируются» народные пословицы «свалился камень с души», библейское «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень», метафора «дно души», а также визуальный план. В сложной метафоре визуально зримое «круги сужались» (они должны расходиться), прямое указание на обратное действие расширяет фразеологическую семантику «свалился камень с души». В семантике этого фразеологической метафоры не предполагается действия извне. На наш взгляд, в этих строках маркируется еще один фразеологизм «концы в воду», а также — символика круга.

Б. Каирбеков создает эффект кинематографической обратной съемки. В данном отрывке маркируется еще одну библейскую

метафору «все возвращается на круги своя». Эти значения пересекаются со значением «кольцо (боли) сужается», часто связанное с семантикой боли.

Необходимо отметить, что образ круга — один из ключевых символов национальной эстетики — значим для поэзии Б. Каирбекова.

Сравнить:

А между тем, во тьме

незримо изгибаясь

крутые рельсы подло

ведут хоровод...

А это значит — я опять не догоняю

земную жизнь,

земную боль,

ушедшую вперед ... [2] («Метро»)

В этих строках круг имеет двойственную символику круговорота жизни и смерти.

Текст отрывка следующего стихотворения во многом построен на сложной корреляции фразеологических единиц:

Меня пустили по миру —

Ищи, мол, ветер в поле!

Нет у тебя ни номера,

Ни имени...

Есть воля! [2] («Меня пустили по миру...»)

Особенность здесь употребления фразеологических единиц такова: они вызывают ассоциации, аллюзии с другими словосочетаниями. «Пустить по миру», значение которого — «сделать нищим» «монтируется» с «отпустили с миром», значение которого «отпустить без наказания». Так, отрицательная семантика взаимодействует с положительной.

Пословица «Ищи ветра в поле» (правильно — «ветер»), значение которой «что-либо бесследно пропало» «не вписывается» в контекст. Поэт намеренно «расшатывает» семантику, «намекая» и на значение «пропади пропадом», и на «вольный как ветер» (пушкинский мотив). Но мотив стихотворения А. Пушкина, цитируемого в эпиграфе, осложняется мотивом изгнания. «Ищи ветра в поле» (пренебрежительно-разговорное «мол» только усиливает значение) можно интерпретировать и как «иди туда не знаю куда, найди то, не знаю что».

Концепт «воля» актуализируется в последней строке строфы. На наш взгляд, эта аллюзия на пушкинские строки «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Аллюзия «монтируется» с фразеологической единицей «вольному-воля». Но метафорическая конструкция включает устойчивые сочетания с отрицательной семантикой: «ты — никто и звать тебя никак», причем имя имеет меньшее значение, чем номер. Принцип развития образов 1 строфы определил все последующее развитие образов текста.

*Я — белый ворон в вашей стае,
Хоть черен весь до синевы —
Но я пытаюсь, я летаю
А не кружусь среди молвы*

*А что молва? Вороной белой
Клеймит, не ведая того,
Что лишь тогда свободно тело,
Когда душе твоей легко.*

*Душа моя чиста до боли,
Как в зимнем поле не видна
Черта последняя... И воли
Мне не истратить бы до дна.*

*Беречь? Нет-нет! Но закалять
От черной сажки межуособиц,
И если что-то воспевать,
От мира брать, а не от злобы*

*Я — белый ворон в вашей стае,
Хотя и черен на свету.
Я черной точкою летаю
Все на прицеле, на виду.
[2] («Я — белый ворон в вашей стае...»)*

«Лежащая на поверхности» ФЕ «белая ворона» трансформируется в «белого ворона». Это акцентирует амбивалентную семантику ворона. Пословица претерпела своеобразную реализацию: подчеркивается переносный смысл образа «белой вороны». На эти значения наслаивается традиционная метафора-символ полета, устремленности

над обыденностью, метафора творчества. Данная метафора контрастирует с отрицательной семантикой образа ворона.

Образ стаи переплетается с образом людской молвы — в ФЕ субстанцией стихийной, темной, однородной (вспомним, «людская молва что волна»). «Молва» маркирует отрицательное значение «каркать» — привлекать плохое. Устремленность ввысь белого ворона контрастирует с кружением стаи, которое в фольклоре традиционно связывается со смертью.

Фразеологическая метафора начальных строк «задаёт тон» всему тексту и предопределяет аллюзии с другими фразеологическими единицами.

Во второй строфе в заглавной метафоре акцентируется отрицательное отношение к исключительности. Реакции массы — черной стаи ворон — противопоставит авторское понимание свободы как внутреннего состояния. Отметим, что здесь употребляется «правильное» — «ворона». На наш взгляд, это связано с разграничением художественной точки зрения (по терминологии Б. Успенского) [5] автора-героя и толпы.

Трансформированная языковая метафора «душе легко» (или «на душе легко») вырастает в метафору-символ. Также в данном контексте она маркирует аллюзию «душа-птица». На наш взгляд, здесь звучит мотив смерти — вспомним «душа отлетела».

В третьей строфе языковая метафора «душа чиста» обновляется посредством зависимого слова «до боли». Для Б. Каирбекова характерно понимание жизни как неразрывной связи счастья и боли.

Далее перекрещиваются традиционные метафоры, основанные на параллелях «жизнь-путь», «старость-зима». Но центральной метафорой здесь является метафора, основанная на пословице «жизнь прожить — не поле перейти» и фразеологическая метафора «подойти к последней черте», где мотив смерти чрезвычайно отчетлив. Смерть отвергается, душа бессмертна, она прошла очищение через страдания, но неральное склонение со словом «как» (по терминологии Р. Якобсона) [7] наталкивает читательское восприятие на ощущение неуверенности/недоговоренности.

В 15—16 строках поэт намеренно «насаживает» метафоры разных семантических полей: «воля», «истратить», «дно». Последнее слово актуализирует фразеологическую единицу «испытать чашу до дна» — конструкции с отрицательной семантикой: «Испытать, перенести страдания или жизненные испытания в полной мере, до конца. Подразумевается, что кто-л. достойно претерпел все невзгоды, которые выпали на его долю (часто — в связи с какими-то трагическими

событиями истории). Имеется в виду, что лицо X перенесло или готово терпеливо и смиренно переносить в грядущем все тяготы жизни» [6]. Этот фразеологизм коррелирует с фразеологизмом «оказаться на дне», значение которого можно интерпретировать как «полностью деградировать». Так, если в первый фразеологизм связан с понятием «стойкость», то второй — крайнюю степень падения.

Не менее нелогично сочетание «душу беречь», отсылающее к «береги честь смолоду», «закалять (душу)» от «сажи», апеллирующего к «дела как сажа бела».

На наш взгляд, прием монтирования метафор разных семантических полей используется автором для создания эффекта противоречивого чувства надежды и обреченности, гордости и смиренности. В 4 строфе этот эффект усиливает внутренний диалог с самим собой.

В концовке кольцевой композиции в образе «белого ворона» вновь подчеркивается его символическое переносное значение. Образ последних строк маркирует ФЕ «взять на мушку», «поставить точку». На наш взгляд, этот образ гораздо глубже и связан с понятием точки в казахской мифологии, вернее, «точки внутри круга» — круг в данном тексте — это «свет». В «словаре» С. Кондыбая отмечается: «Точка внутри круга может означать... любое существо, начиная от эмбриона, клетки до зародыша, ребенка, человека, семьи, рода, племени, народа... » [4, с. 22]. Вспомним, что «свет» — это многозначное понятие — мир, энергия, общество.

«Поставить точку» переключается с фразеологизмом «подойти к последней черте». Но, как известно, в казахской эстетике нет понятия конца: в круговороте жизни и смерти смерть — это начало иной жизни.

Данный текст построен на взаимодействии амбивалентной символики белого и черного. Таким образом, изначально не нагруженная этой символикой фразеологическая единица парадоксально актуализирует ее.

В рассмотренных примерах фразеологическая метафора является «центробежной силой», вокруг которой аккумулируются аллюзивные, ассоциативные связи с традиционными мировыми, библейскими, пушкинскими метафорами, понятиями различных культур. На эти значения «наслаиваются» визуальные планы, кинематографические приемы.

Таким образом, поэт парадоксально акцентирует устойчивое значение фразеологизма — конструкции по определению чрезвычайно устойчивой — но, в то же время, «расшатывает» его. Такое «монта-

рование» создает эффект обнажения культурных пластов, в каждом тексте порождающих новый индивидуальный смысл.

Список литературы:

1. Арсентьева Е.Ф., Семушкина Е.Ю. Особенности создания расширенной фразеологической метафоры в свете когнитивной теории // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19—21 марта 2013 г.). Белгород, 2013. — С. 32—35.
2. Каирбеков Б. Глагол жить. Алма-Ата: Жазушы, 1982. — 142 с.
3. Каирбеков Б. За живой водой. Алма-Ата: Жазушы, 1986. — 134 с.
4. Кондыбай С. Казахская мифология: краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005. — 421 с.
5. Успенский Б. Поэтика композиции. Спб.: Азбука, 2000. — 352 с.
6. Федоров А. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. — 878 с.
7. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. — С. 462—482.

Научное издание

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Сборник статей по материалам
XLVI международной научно-практической конференции

№ 3 (46)

Март 2015 г.

Подписано в печать 24.03.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3